

**XI зимние
Олимпийские
игры**

№ 2 январь 1972

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СНЕЖИНА

**50
ЛЕТ
СССР**

Когда за плечами у молодой советской поэтессы стоят такие корифеи, как Павел Гуминин и Максим Рыльский, то, наверное, работаете радостно и в то же время печально. Да, молодая украинская поэтесса не стоит на месте. Она не только освоила язык профсоюзника, но и шлет воле. Дмитрий Павлычко становится более строим и скрутым на слово, менее декларативным. Новая Дроч сколько живучесть и интеллигентность приобретает в чистый робкам народной поэзии. Борис Олейник лирическими средствами освещает эту жизнь своих современников. Никола Винграновский прислушивается к звукам и шорохам ветра и в ночной тишине слышит голос тех, кому еще трудно живется на этой планете. Всех этих поэтов объединяет одно: истинный талант и любовь к Родине, которая готовится отметить 50-летие образования СССР.

**МЫ
ВЫШЛИ
НА
БОЮ
ДО
БОЮ**

Микола ВИНГРАНОВСКИЙ

За ручку солнце летнее ушло
И окном позвало за собою.
В седой туман утнулось село,
Прозрачною покрылось пеленою.

На крыльях вблещ звезды улеглись,
В саду кулеши наваристый дымятся...
И кто-то шепчет:

— Слыши, земля! Проснись!
Дай мне воды холодной из криницы!

Бессонная душа тревожит тышь.
Земля уснула. В поле спит дорога.
Спят воробьи, и взгорья, и камыши...
О человек! О чем твои тревога!

Зачем родную землю в тишине
Своей ночной терзаешь ты кручиной!
Пусть свои ступают тихо по стерне,
Туман плывет над сонною влотиной.

Я поглядел в задумчивую высь,
Прислушался... Молчат цветы
и птицы...

Вдруг снова шепот:
— Слыши, земля! Проснись!
Дай мне воды холодной из криницы!

Ходит ветер среди берез,
Душу леса бьютает снами,
А над нами — чумачий воз,
Без волов и колес — над нами.

Прадед мой на возу хранил,
Звезды в небо поздравил мечет...
Такой месяц и нему слышат,
Обнимает его за плечи.

И во сне, посреди планет,
Звезды влетают тогда ранним,
Шепчет прадед: — Земле родимой
Ты сегодня светишь иль нет!

Побывал у монах в Замостьи!
Как весна там! В полях шумит!

Прадед

Не поеду я к нашим в гости —
Пан мне висельней грозит.

Завтра вербная, слыши, неделя,
Сторонись за курган в степи —
Кармаляк выйдет на дело...
Эту тунчу под бок стели.

Дай звезду мне вон ту, жар-птицу,
Людам сделать добро хочу!
Я заброшу ее в криницу —
Насте воде позолочу.

На Стожарах мы завтра будем,
А теперь я вздремну опять...
Запргайся и трогай!

Люди
Уже солнце пора встречать.

Оксана

И продала, и деньги сосчитала,
И — в путь, все вдоль того же
большака...

А на лице торжественно и ало
Цветут два мака — два степных
цветка.

В одной руке — широкая корзина,
А на другой дитя родное спит...
Вдруг солнце выплывает из-за тьма
И преграждает дорогу ей спешит.

По капельке по крохотной роинет
На мне, на макашке, на нас с тобой...
А мы идем, нас дождик не пугает.
Идем себе, усталые, домой...

Уснем... Приснится батька
в час заката...
А батько — мы, и пашня, и гречка...
А хата — хата, нашей хата — хата
Под грозовою тучею в ночи.

Борис ОЛЕЙНИК

Я в центре круга, что очерчен солнцем.
Рукою трону черный чертозем,
И дрогнет свод над готтикою озем,
И дух займется от красы озер.

Я подожду... Ключ затрубит трубою...
Я потерплю... Блеснет дождя струя...
И вдруг почувствую: земля моя
Глубинно раскрывает подо мною.

Врасту я в землю, стану вновь моложе,
Пойму, что среди этих трав и рек
Меня уже на цифры не различить
И не запрограммируешь вовек.

И так скажу: — Будите тышь мотором,
Глядите смело вечности в лицо,
А я останусь вербой, от которой
Пошло простое это колесо.

Гуляет ветер, холодный ветер в дому открытом,
Терновник синий в туманах слышит молчит
и тернит...

Ты мой далекий, золотиносый, последний
квентень!

А я вот серпень¹, А я вот серпень... Серпень.

Пора настала в дугу вечерней косить отаву,
Я вышел в поле, а месяц в небе повис,
как серпень...

К тебе, мой квентень, стучится в двери еще лишь
травень².

А я вот серпень... Уж и серпень... Серпень.

Уж так суднобно: во мран осенний глядеть нелепо
И журавлино кружить ночами над тьмою сердцем,
Ведь между нами легины месяа и лето,
Как между квитнем и между серпнем...

Серпень...

Подражание песне

Мать посеяла сон
под моим окном,
А вырос подсолнечник.
И теперь: хоть буряк, хоть бурьян,
хоть туман,

А мне солнечно.
Мать посеяла лень
под моим окном,
А взросло полютино.
И теперь: хоть гроза, хоть слеза
на глаза,

Я нду все рано.
Мать посеяла снег,
а вдоль прясей и снег
Уродились цветы.
И хоть выюги поют,

голос мне подают
Журавли с высоты.
Мать посеяла змеель,
чтоб стелла постель

Ее сыну жена,
Равнодушно прошли
все невесты земли,
Улыбнулась одна.
Мать весь лен убрала,
и вино на столе

В чашах пенится,
И опять за окном
по осенней земле
Листонад стелется.
Лишь один не увял,
не овал в тишине

Мой подсолнечник.
Я несусь его в мир,
чтоб не только мне,
Чтоб и вам было солнечно!

¹ квентень (у к р.) — апрель.
² сервень (у к р.) — август.
³ травень (у к р.) — май.

Солдатекие очи

Солдат лежал в поминутку окопе
У поля ледяного на краю.
Ждала его уже земля Европы,
А он еще отставал своєю.

Гляз не смыкая, взором удивленным
Следил, как тучи уходили прочь,
И в чистом небе, без оплошномом,
Вставали звезды, освещая ночь.

Он вызвал, подчинясь велению боя,
Огонь своих орудий на себя,
Неспасанное поле голубое
Любовью бесконечною любя.

Летели годы и ветра куда-то,
Дрожало небо между синих звезд,
И вечность наклонялась над солдатам,
Лежащим в чистом поле
в полный рост.

Героям наших времений много
Умер аблским, а не издалека,
Узрели небо цвета вороного,
Спасенное солдатам на века.

Хоть никогда солдат и не бывал там
И про ракетный не мечтал маршрут,
Но доро он и близок космонавтам,
И очн его звездами плывут.

Когда бы он, за всех людей в ответа,
Тог грозный не отдал себе приказ,
То ныне, может, не было бы на свете
Ни космодромов, ни ракет, ни нас.

Мой родной город!

В родной мой город вновь пришла
весна...
И запах аблном, тронутый воином,
Плывет, как сон, и веточка одна
Заенит под ветром тихою струною.

Кладут кирпичи, возводят дом
там, где звила черная ворона.
И жаворонки, окрылен теплом,
Поет так переличато и звонко.

Желание

Как только первый луч рассвета
Разбудит радугу в росе,
В душе встает желанье это
Сильнее, чем желанья все.

Ты не желал бы до могилы
Ни почестей и ни похвал,
Когда Б его ладные силы
Или случай горестный забрал.

Оно рождает нетерпенье.
Влечет, как в зной влечет вода.
Но жажда знает уголенья,
Оно же не знает никогда.

Живет в тебе неутолимо,
Так с чем сравняется оно!
С желаньем жить оно сравнимо,
А, впрочем, это ведь одно!

Не страшен океан бездонный,
Пуга и живень обломной,
И боль в плечах и пот солонный
С ним станут радостью одной.

Оно в тебе. Так помни, кто ты —
Счастливей! Лучшей дожди нет!
В тебе — желанье работы,
Без краю и конца — как вет.

Наш ясный свет

Тропиночки, и торные дороги,
И журавлей бесмертных череда,
И волны река, и гор крутых отроги
Бегут сюда.

На крыльях журавлей все выше,
Мой Киев, о тебе летит молва,
И над тобой — ни облак, ни тучи,
Лишь синева.

Ты пахнешь свежеструганой сосною,
И отдала не ждала поля
Ни летом, ни зимой, ни весною
Строителя рука.

Как мы шли — от боя и до боя —
Сквозь дым и кровь, через горнило лет
К тебе, отец, чтоб вечно быть с
тобою,

Наш ясный свет!

И меньшей даны мы не отдавали
За каждый шаг до Золотых ворот,
Как братьев смерть на горном
перевале,

В полях, в краю болот...

Сегодня б мы подняться всем из
груба,
По улицам знакомым покружить,
В дома родные возвратиться, чтобы
Вновь жить да жить!

Примонить, как любил, как
дружил,
И солнце пить, и пить, и видеть сны...
Они, ей-богу, это заслужили,
Твои сыны!

И на руках у матери дитя,
Которое теперь-то будет ясно,
То солнышко само берет шутя,
То небу улыбается счастье.

Пускай гремит вдаль, в крошечной
мгле,
Огонь терзает горизонтя крынку...
Легко на волной дымится земле
И дереву, и птице, и брелку!

В дороге

Иду свободно землею
Над нестареющими Днепром,
Мне чудится, передо мною
Все спускается кругом...

И шелесты листья на кронах,
И чабы, что своим крылом
Воды речной коснулись сонно,
И солнце, и далекий гром.

Зовут и манят плут цветастый,
Завла рыбачий, камыши.
И люди говорят мне: —
Здравствуй! —
Приветливо, от всей души.

Не проходи, прохожий, мимо,
Располагаясь, гостем будь,
Ухи с приправой и дымом
Отведая и не обессуд!

...И то ли тихая беседа,
Или прохлада ручейка,
Иль добрый аромат обеда,
Но вновь душа смежка, легка!

...И то только горизонт шире
Способен путника привлечь,
Но дружелюбие в этом мире,
Тепло костра!
...людская реч!

Перевел Натан ЗЛЮТНИКОВ.

Ласточка возле окна,
Хаты родной сестрица.
Что тебе дать, моя птица:
Меду, борщу или пшеца!

Ласточка! В гости когда ж
Являешь ты напоследок!
Я научу твоих деток
В ладках держать карандаш.

Ласточка, как ни кружить,
В тверди какой ни ситаясь,
Помни родную вась,
В эти края возвращайся!

Так оно было всегда,
Так оно будет и ныне...
Счастье мое и беда,
Вспомни меня на чубинице!

Сестры бедят аблном в саду.
Мать моя седая белит хату.
Белый батка мой — лицом
к закату —
Вспоминает войны и беду.

Мать седая. Аблном в саду.
На закате белит хату.
Белый батка мой — лицом
к закату...

Мать седая. Аблном в саду.
Мать моя седая белит хату...

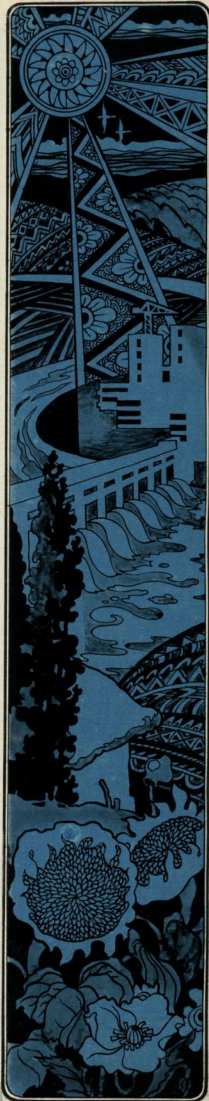
Перевел Леа СМЕРНОВ.

Над Полтавою листва мечутся,
И в Санжарово листопад...
Что ж ты, милая, так изменила!
Стал я сам себе не рад.
Я бегу и тебе тропинку скользяю,
Уладу сейчас иль нет!
Ну, на что ты мне синей Ворсклою
Завязала белый свет!
О тебе грущу в дни неастаные.
Если слышишь, отвечай!
Берега у нас, видно, разные.
А река одна — печаль.
Может быть, пора мне по-взрослому
И с другой встречать рассвет...
Но, любовь моя, ты мне Ворсклою
Завязала белый свет.

За рекою только вишни...
только вишни... только вишни...
Да дорожный — за туманом — поворот.
и никто меня не слышит,
и никто-то мне не пишет,
и никто меня не клещет и не ждет.
Потому, что утром рано
за рекою условным стуком
Верный дятел передал мне в тишине
Весь о том, что в дальней дали
замычалась разлука,
Что лещаль плывет на лодочке
мне.
Потому что за рекою
только вишни... только вишни...
А в реке такая мутная вода.
Потому, что утром рано
ты на берег мой не вышла
И не выйдешь — так мне дятел
передал.
Потому, что в этом мире
мы друг друга потеряли —
Перезулки, витражи и витражи.
Потому, что все ромашки
до меня и лугу сорвали.
Что ж мне делать! Не на сердце ж
воронки!
Потому, что в моем сердце
поселилась боль и мука...
Потому, что... потому, что... потому...
В дальней дали так неожиданно
замычалась разлука
И расставла в том вишнем дыму.

Рисунки Игоря СМЕРНОВА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 2 (1072)

ЯНВАРЬ
1972

НАША ОБЛОЖКА: плакат организационного комитета XI Зимней олимпиады.

РАССКАЗ О ПОДГОТОВКЕ СИЛЬНЕЙШИХ СПОРТСМЕНОВ МИРА К СОРЕВНОВАНИЯМ В САПОРО СМОТРИТЕ НА СТРАНИЦАХ 12—15.

ЧЕСТЬ ИМЕНИ

10
ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ.
ВЕРИТЬ В ЧЕЛОВЕКА.

16
О ГОРОДЕ, КОТОРОГО
НЕ БЫЛО,
О ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ БЫЛИ,
ЕСТЬ И БУДУТ,
рассказывает очерк
Юрия КАЛЕЩУКА.

20
НАУКА: МИНЕРАЛОГИЯ.
КАМЕНЬ
ПОД МИКРОСКОПОМ.

28
ДОБРЫЕ ЧАСЫ АКТЕРА.
Знакомьтесь:
ЛЕВ ДУРОВ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

РАБОЧАЯ ТРИБУНА «СМЕНИ»,
ЭФФЕКТ СОРЕВНОВАНИЯ

ДИПЛОМЫ ТВОРЧЕСТВА.
ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ
В СИБИРСКОМ ВУЗЕ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ЧЕЛОВЕК.
ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА
УЗБЕКСКОГО ПИСАТЕЛЯ РАХМАТА ФАИЗИ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рубинов, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Строев [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевич

Художник Г. С. Терзибашьянц   Технический редактор Н. И. Будинна

«Нам надо серьезно улучшить работу всех отраслей сферы услуг — общественного питания, пошива одежды, всевозможного ремонта, организации отдыха трудящихся. Это не просто отрасли, призванные выполнять план, а службы, непосредственно имеющие дело с людьми, со всем разнообразием их вкусов, с человеческим настроением».

Из Отчетного доклада ЦК КПСС
XXIV съезду партии

Что мы знаем о сапожниках? Это ремесло возникло на заре человечества и служит ему верой и правдой до сих пор. Желая воздать должное той или иной профессии, люди мысленно опутывают земной шар капроновой нитью, тянут реальс до Луны, но никому пока не пришло в голову устелить землю, например, степи, пирамидами и построить пирамиду из стальных каблуков.

Сапожное дело не полтизируют. Напротив, мы до сих пор слышим: «Пьет, как сапожник... ругается, как сапожник... пьян в стельку».

Как чинили башмаки нам и нашим отцам? Так же, как дедам и прадедам. Кого они видели перед собою в маленькой камерке, в подвале или на утлу переулка под открытым небом? Человека в широком фартуке, на маленькой табуретке или перевернутом ящике, глаза с хитрецей, почеревашие пальцы в садианах, гвоздь зажат в губах.

Совершались великие открытия, писались ге-

Сапожники

минальные книги, проносились революции, а человек, к которому мы регулярно наведывались с ботинками под мышкой, оставался в виду все тем же. И инструментом у него был традиционный и присный труд.

у сретенских ворот

Твоя профессия

Владимир ГЛОТОВ, Сергей ПЕТРУХИН (фото)

НЕДОСТАТКА В КЛИЕНТАХ НЕТ. КАЧЕСТВЕННОЕ, ЧЕТКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СОЗДАЛО ДОБРУЮ РЕПУТАЦИЮ МОЛОДЫМ МАСТЕРАМ СО СРЕТЕНКИ.

Старый Петрович, к которому я иногда заглядывал на уроки, лет пять назад грустно сказал мне: «Сапожное дело вымирает...»

Петрович предрекал полную катастрофу: молодые нет, ремесленные училища закрыли, старики убегают естественным путем. Все. Конечно, это не он ошибался. Он бы учел, старый сапожник, одного обстоятельства — технического прогресса. Изобретены машины для починки ботинок. Они напоминают заводские станки — человек держит в руках ваш башмак, а работает, как токарь. Загляните, например, в Москву по адресу «Сретенка, дом 1» — сапожная мастерская современного образца, никелированный блеск механизмов, молодые люди около них: сосредоточенные лица, модные проборы, изысканная рабочая форма. Не молоток, не пилка в губках, не лухайка улыбка: «Куда спешить? Покурим — сделаем...»

Ритм наш, нынешний. К концу дня — иерная усталость.

Еще несколько лет назад предложил я молодому парню с десятилеткой пойти в сапожника, он воспринял бы мой слова по меньшей мере как шутку. Теперь он рассуждает иначе: «Что на заводе станки, что здесь, Техника!»

Идет процесс превращения «службы быта» в индустриальную отрасль — это судят большие багаи и нам, «каlientsам», и тем людям, которые нас обслуживают. Мы не будем мешками жалеть, когда нам отремонтируют обувь, почистят одежку, сошьют костюм. И работник сферы обслуживания все меньше напоминает кустаря-одиночку, все больше походит на индустриального рабочего.

Но все-таки чего-то лично не хватает нашей «службе быта», чтобы работать быстро, надежно и, что немаловажно, выгодно для себя. Можно внести в помещение сапожной мастерской новые машины и все равно работать плохо: выполнять заказы коо-как, растерять через два месяца всю клиентуру, запустить помещение, прогнать хорошего мастера, а на раздражение клиентов отвечать еще большим раздражением. Существует некий «стиль работы» — неповоротливая, необязательная, лениво-безразличная и как бы оправданная суждением: «А мне за предприимчивость не платят!»

Тем более надо рассказывать о «Сретенке, 1». Там есть как раз то, чего не хватает «службе быта». Предприимчивые люди, деловая хватка, жизнеспособность. Спросите в любой другой мастерской в том районе: «Куда от вас уходит клиент, когда вы ему отказываете? Если у вашего собеседника-сапожника хватит принципиальности, он ответит: «Куда же еще? На Сретенку!»

Познакомимся с этими людьми. Самому старшему — Ивану Ивановичу Козлову — 34 года, и он не без гордости говорит: «Скоро приглашу вас на двадцатипятилетие сапожной деятельности». А его товарищам только лишь перевалило юсти. Это Александр Бурцев, Володя Юдин, Юрий Токарев и другие ребята недавно начали самостоятельную трудовую жизнь, и для некоторых из них это первая работа, первая профессия. Отношение к ней у них, можно сказать, трогательно-наивно. Они, например, подчеркивают не хотят называть себя «сапожниками», этим старым и допотопичным русским словом. Они говорят: «Мы обувники». Универсалы! Им, конечно, нечего сказать о дилетанте, но зато они не жалуются на недостаток опыта: «Здесь, на Сретенке, а хирурги обувного дела. Посмотрите, как они артистично ремонтируют обувь, и ты спокоен за будущее своего ботинка!»

Еще один молодой человек, с которым нам надо познакомиться, Дмитрий Соловьев — его все называют просто Дима — работал прежде в научно-редакционной карстовостроительской части. Выигнуто звучит? Выигнуто.

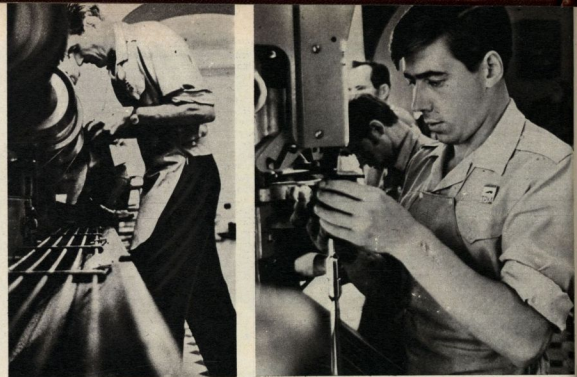
Одна его знакомая спросила: «Дима, ты только что только пришел в сапожничество?»

— Тогда берси расчет и приходи к нам.

— Это куда же «к вам»?

— В сапожную мастерскую.

Теперь Дима работает в этой мастерской, иной раз по полдню смеется, и имеет 200 и 250 рублей в месяц. Он молод, полон сил, у него десятилетка, масса интересов, он хочет ходить в театр, иметь свою библиотеку, путешествовать. Наконец, у него семья, дочка подарковед. Он не жалеет человека, Дима ему нужен, чтобы удовлетворить те самые «все растущие потребности». И ему надоело работать среди людей, которые полдня курят, слоняются по коридору и получают «свой сток двадцать». Виднее Дима не похочет, не сапнется. А что, собственно, похочет на фабрике, на вражда-подвара? На работу Дима приходит одетым, что называется, «с иголочки». На улице встретите — современного москвича, и только.

И еще один человек. Пожалуй, самая главная фигура на «Сретенке, 1» Рафаэл Хачатурян Сароян, заводчий. Потомственный сапожник, его отец завоевывал призы на парижских выставках, а некоторые модели, созданные силой, мы с вами до сих пор носим. Кто знает, быть может, этот видный модельер еще вернется на прежние поприща индустрии, а пока он все силы своей творческой натуры отдает организации по-новой Дема ремонта.

Так вот, что это такое — по-новому? Не будем придираться к слову — может быть, что-то из того, что используют у себя эти мастера, давным-давно открыто. Уясним для себя главное: будем исходить из того факта, что в большинстве предприятий «службы быта» дело поставлено не так, как в мастерской на Сретенке, и потому очень для многих их подход к сервису будет явно новым.

Первое наблюдение, которое я вынес, можно назвать к о н т а к т о м с к л и е н т о м. Тут лет тридцать. Почему? Потому что она тормозит при срочном ремонте, лишняя ступень. Прогрывает заказчик, проигрывает сапожник. Почему, спрашивается, повсюду еще остается преимущества? По традиции: из-за боязни, что ежель сам сапожник протянет руку за башмаками, он тут же нагрябнет...

А теперь прикинем выгоду, когда нет лишней ступени, этой посредника между заказчиком и исполнителем... Машинный сток на виду, в зал, который ребята называют «баром» за его уютный вид. Он и впрямь напоминает бар — стойка с высокими стульями, за стойкой — станки, около одного из них стоит, слегка наклонив голову, наш знакомый Дима.

Клиент хочет видеть, как Дима работает. Он не станет читать газету, он не оторвет глаз от рук мастера — такова уж наша беспокойная природа. Дима чувствует спиною взгляд внимательных глаз, и это ему не мешает, ему даже приятно, что он в поле внимания. И ему хочется сделать лучше.

Тут еще прямой стимул: соревнования между мастерами. Одна дама в «баре» отключилась от работы администратора: «Нет, нет! Я уже пятнадцать минут постоя, но только к Димочке пошла!»

Как прежде всего важно человеку, который пришел чистить ботинок? Кроме всего прочего — об этом «прочие» ниже. — важно качество. «Хоть пять рублей возьмите, только сделайте как положено» — убеждала одна гражданка.

Расчет сапожника строится обычно так: «Если сделаю бабуйку на три месяца, значит, на три месяца потеряю заказчика. Это меня ударит по плечу. Сделаю-ка я ему поужале!»

Оставаясь, как прежде, большим камнем, перед «проблемой качества», люди выбирают разные пути. По их выбору легко обнаружить тип самого человека и его привязанность к тому или иному стилю работы. Качество может быть показаным. Например, можно горьким воском залить подошву, скрывать швом. «Весь шов позор!» — как выразился Рафаэл Сароян, заводчий «Сретенки». И можно сделать так, что воск не потребуется.

Да, клиент хочет получить крепкую подметку и долговечную вабожку. Но это, как пока-

зывает опыт «Сретенки», выгодно и споживку. Главный инженер одной из фабрик по ремонту обуви позвонил Рафаэлю Хачатуровичу: «Вы должны поговорить с генеральным директором, чтобы он сдал с нас часть плана — ведь вы же проглотили наших заказчиков!» Вот они — два пути, два стиля.

Еще пример стая «Сретенки». Долговечную набойку можно сделать лишь из нового материала — полиуритана. Но вот сложность: кроме того, что его вообще нелегко достать, фабрика рубит для мастеров набойку заранее. Как будто удобнее, а в действительности смотрите, что получается: набойку рубят «с запасом», величиной с солдатской каблуке. В мастерской приходится каждую набойку обтачивать шкуркой на машине: ножом, вручную, жесткий полиуритан не обрешешь, — обточка — дело долгое, клиент нервничает, производительность падает, полиуритан летит в полном смысле слова в мусорную корзину, а дорогостоящая шкурка быстро приходит в негодность.

Умно все это? Нет, не умно. Рафаэль Сароян, бывав на фабрике, каждый раз умоляет: «Пштите на мой счет на две-три набойки больше, согласен! Только не рубите лист, дайте его щепками». Сароян исходит из простого расчета: из формы и величины современного каблука. И он добился, получает лист нетронутым, кроит его поразимым, от-

ходы свея к минимуму, оборудование не изнашивается, а производительность труда выросла. Экономический подход? Безусловно.

На фабрике поняли, однако, буквально: «Может, весь материал нам так давать, перекраской! И резину?»

«Нет уж, — сказал Сароян, — Спасибо! Резину рубите».

Когда мы обращаемся за помощью к «службе быта», нам необходимо, кроме качества, как правило, быстрота, скорость. Однако очень часто бывает так: сидишь, ерзаешь на стуле, поглядываешь на часы, а твоя электробритва или пылесос как лежал на прилавке, так и лежит — принципца разговаривает по телефону с подружкой. Знакомо такое?

Или, допустим, вам с безразличным видом отвечают: «Это мы не делаем...», «Детали нет...», «Материала кончился...»

Мы как-то привыкли мириться: ну, раз не делает мастерская «такой ремонт», что же спрашивать с человека? Или, если «материала нет», как же можно обижаться?!

Мы настолько свыклись с мыслями, что в нас, в клиенте, «служба быта» не заинтересована, что безропотно поворачиваем к двери, разве что поворачив и получив тут же в ответ короткий заряд словесной шпательки.

А теперь вспомните тревожный звонок главного инженера той фабрики по ремонту обуви, у которой Сароян «проглотил заказчиков». Заволавано «человек, паян «горит», поштучно вы премия, тринадцатая зарплата «Сретенки. И — это такой партнер нам, скажем прямо, конкурент, с которым шутки плохи. Значит, рано или поздно, хочешь или не хочешь, а придется задуматься над качеством и не забывать щепой горючим воском, а работать как надо».

То, о чем я говорю, можно было бы назвать активной борьбой за клиента. Рафаэль Хачатурович Сароян, когда мы заговорили на эту тему, привел один глуп, посмотрел на меня чуть внимательно, как бы прислушался: «Вы о чем? А поймете ли верно? Не переудерите ли факта? Однако, я думаю, мы наши общий язык и смотрим на принципы работы нашего сервиса с одних позиций: максимального удовлетворения запросов человека».

Суппиратори — это такая металлическая деталь, которая соединяет каблука с подошвой, — где не берут, ни в одной мастерской в Москве, — говорила Сароян, — а мы берем! Они нам не очень выгодны, но пусть знают, что «Сретенка» все делает! Попробуйте где-нибудь укоротить женские сапоги или их сузить — никто не возьмется, а у нас сидит Айна Антонова — видела? Худенькая такая, молоденькая, женщина, чистится у нас, платочницей, а это виртуоз своего дела, любой сапог уйдет, к любой туфле приспособит бантик, какой нужно... Вы спрашиваете, как не потерять клиент? Это серьезная работа... Вот одна девушка, между прочим, дочка хорошего директора фабрики, у которого в подчинении масса сложных мастерских, пришла в одну из них, в другую, везде разводил руками: «Нет, это мы не делаем». «А где?» «Сходите на Сретенку...» Поймите, для нас это данность. Она ведь, когда придет домой, скажет: «Вот, папа, только на Сретенке!» Я хорошо знаю этого директора, он нахмурит брови, возьмет сапоги, внимательно осмотрит их и скажет: «Ты пока не ваденья, дай мне их на день...» А на следующее утро появится со свертком в одной из своих мастерских: «Вот! Вы отдали, а Сароян сделал!»

Вот их принцип: делать то, что никто не делает. И делать так, как не делают нигде в другом месте. Как просто, казалось бы... Но для этого надо быть Аиной Антоновой, виртуозом. Или Иваном Ивановичем, мастером, о котором Дима Сароян «Корифей!» Надо быть еще и дальновидным Сазоновым, обладать его прозорливостью, его чутьем, иметь его деловую хватку, его профессиональный вкус. Нужно обладать всем этим — это требование времени. Спозожник нынче размышляет: «Что изменить, как измениться самому, чтобы не терпеть убытков, чтобы предприятие было рентабельным?» Нет, только вымышленный нынче курс: поставить предпринятия быта в условия состязания друг с другом — создаст условия для развития творческой инициативы. Я бы сказала, заставит людей ее прояслять. «... в области торговли и обслуживания», — говорила на XXIV съезде КПСС А. И. Брежнев, — у нас еще много неполадок, с которыми некоторые работники, к сожалению, тоже притерпелись, привыкли их считать чуть ли не нормальным делом». Слыт «Сретенки» показывает, как дело поворачивается «с головы на ноги».

Присмотритесь, прислушайтесь, как работают эти люди. Как они выглядят. Ребята, например, держат в мастерской «аварийную электробритву» на случай, если кто-нибудь из них не успеет утром побриться. Или, скажем, раздается телефонный звонок Людмила Васильевна, администратор (за-

РЕМОНТНИКИ ПРОВОДЯТ САМЫЕ РАЗНООБРАЗНЫЕ ОПЕРАЦИИ ПО ВОССТААНОВЛЕНИЮ ОБУВИ. ВАЖНУЮ РОЛЬ В НИХ РАБОТ ИГРАЮТ ХОРОШЕЕ УСЛОВИЯ ТРУДА.

метале, в сапожной мастерской — администратор, хозяйка зала), берет трубку — вот стьл от него: «Я вам не советую сейчас приезать, очень много народу. Приезжайте после шести, вам не придется долго ждать...»

Естественное поведение доброжелательного человека? Да. Но и умный ответ умного администратора. Бурки несурзано, брось трубку, не дослушав, клиент или вовсе не придет, или придет в часы «пика», будет нервничать, отправится искать другую мастерскую.

В арсенале «Сретенки» есть даже так называемая дедовая хитрость. Рафаэл Хачатурович учил Диму: «Вот ты берешь любую обувь... Ты сразу же бери Диму, дай-ка посмотреть, заступай рукава, пойдя вымой руки с мылом — а рукодельник тут же... — пусть люди гадают, пусть это нарочно, но это нужно, Дим!»

Или, например, можно сразу сделать профилактическую подметку, а позже переработать кожаную подшшу немной, придать ей свежести и показать клиенту. «Ой, прямо как новые!» — воскликнет человек, а вот тогда и предложит: «Можно мне минуточку поставить профилактическую...» — и клиент будет вам благодарен и за услугу, и за заботу, ведь вы ему предложили сохранить то, что он только что увидел.

Скажете, где вы видели, чтобы бытчики заворачивали в бумагу перед тем, как отдать заказчику? Хлеб не завернутому в бумагу. А у «Сретенки» — именно так, в бумагу, в обязательном порядке. Все это как будто мелочь. А из них складывается «рабочая поэтика», и вот результаты: «Я с другого конца Москвы приезжаю», — говорит одна заказчица другой. «А, из-за порядка», — отвечает та. — Тут человеческое отношение!»

Я назвал моих новых знакомых со Сретенки дедами и дедушками. Я умышленно привлекаю внимание к этому их качеству — уметь по-настоящему дело. И я видел, как к ним в гости приезжали заводские сапожники-мастерами и другие работники фабрики по ремонту обуви во главе с тем самым директором, дочка которого принесла свои сапоги на Сретенку, и этот визит явился, по сути, к изучению «дедовского дела». Вернее, когда ходил табунком от станики к станку, опытные сапожники, руководители коллективов. И то и дело слышался: «Мать Иванна! Иди-ка сюда! Посмотри, весь день мастер работает — что-то особенное, как они выгладили все!» Форма под держинист!»

Их интересовало все: и почему обрели на пол не падают, и почему машина «бьет пустотель» или каблука, а у нас не бьет, и почему инструментом у них пол руками, а у нас «черт знает где». Вскоре стало понятно, что дедушки и бабушки все поражались: «Банка с клеєм где у них? Висит! Удобно... А у нас? Стоит на верстаке. Удобно? Неудобно!»

Людьми Васильевна, администратор, видела эту группу по мастеров, как ты их зовешь, как ты зовешь она. — Тут мы готовим себе обед. А люди, словно дети, удивлялись: «И холодашки даже! И горячая вода есть!» Они задавали вопросы, как им казалось, вполне естественные и даже «дедовские». Они спрашивали, например: «А форму так делают?» И им просто отвечали: «Заказан в ателье». Они задавали, как полагают, очень «дедовский» вопрос: «Ну, а шпирет-то кто?» И Людмила Васильевна, пожав плечами, с недоумением в голосе говорила: «Да сами мастера, каждую субботу... А иногда еще и в четверг».

Чем много станики, как поставлен учет и даже сколько часов работает уборщица Марья Петровна — все это как будто обычный «моян опытом», но он выводит на чрезвычайно важный — как бы сказать — важный работникам службы быта элементарной предпринимчивости.

Вот так... Посмотрели люди, покочан головами, повдвухали и разошлись по своим мастерским. Это был в общем-то кратковременный «набег зрителей». Многого из него не видели, но, судя по ощущению, что «Сретенка» работает как-то принципиально иначе, чем их собственные предприятия, я думаю, у людей осталось.

Можно было бы и закончить разговор, напевая знакомством с сапожной мастерской у Сретенских ворот.

—Вечер. Дима закончил что-то барку. Пожилый человек с лысиной взял в руки бытники, приподнял одну из них, memandang, похлопал — все что-то с мурами видно, подождал, похлопал — все в порядке! И Дима просто наблюдает за этим клиентом — очень алобуэтный субъект. Отказался от предложения завернуть обувь, небрежно бросил бытники в янскую, где лежала обувь, которая не оказалась, не дождалась, пока он пошел, и на стены, сосредоточенно глядя к двери.

Дима улыбнулся: «Нетипичный клиент... Секунда передышки кончилась».

ПЕРВЫЙ ПЕДАГОГ

1

Кончалась ознобная первая ночь, моросил дождик. Над переднею электростанцией держался густой дробный туман, и от этого будто колымаха воздух — так по крайней мере полагались Ветрову. Сварив свою половину стька, Ветров снял чашку, вынул из нее последние остатки, раскрасил помамы и вывел из поднатнутой на трубу защитной палатки, кое-где по бокам насквозь прожженной. Его напарник, Матюшина, не было ни вблизи, ни подаль — Ветров наметанным глазом огледел черную тьму трубы, чуханую стену таежного редколесия, рокотавшую громаму трубоукалки, где тонко уравнивался со всею темнотой Чибуров-старший, и пошел к одинокому трансовому блоку, предназначенному для переосенок. Шел Ветров ступая, роба на нем топорицалась. Болотные, с отворотами, сапоги шорох четвертого размера скользя по развалившимся хлаби. Медленно, гася одмки, Ветров подымался по приступкам в блок, где курили свободные от смены люди, и уже заложив знал, кто там и как сидит, а он размешивал.

В основном на трассе работал молодой и свободный люд, живший беспокойно, порою вздорно, но почитавший свое мастерство, трудно достоящее умение работать на сферической — не плоской! — поверхности, лучше всего. Были и люди постарше, обремененные уже семьями, иные даже привезли семью, на северную эту тяжелую трассу, с женами и с детками... Ветров едва ли и самому сомылым по годам, но опыт имел большой, охотно делился им и потому считался как бы ветераном. Он вариал трубопроводами и в восточных пустынях, и в южных, и в полуострове, на самом севере, маленько надорвав здоровье, однако решил еще и на эту, небогадого диаметра трассу, послать своего в его кочевой, таборной жизни — так условился и с женой, и со старшим сыном, уходящим нынешний год служить, и с младшеньким, с Петюшкой. А жиа теперь Ветров на степном богатом юге и за немалые годы скитаний обеспечил семью порку. Казабсь бы, жии и жии... Ветров пробовал освоиться, даже поступа на работу в котельно-сварочный цех на местном комбинате, зарплата и плоскость, и сферу, и цветные металлы — там агутын, и в — в емкостях работал, в респираторе, а все ему не хватало то пустыни, то тундры... Перед этим, уже последним разом сидел Ветров в уютном своем домике, смотрел с женой и сыновьями на вечерний голубой экран и после передачи о нефтяных таежных трубопроводах тихо заговаривал. Он было крепко, был, молчала, когда в итоге стька ему снится эти блки, полярные ночи, эти трубы, но догадывался, что жалею ему своей уходящей уже молодости, душевного безагодного энтузиазма и не израсходованного еще на трассах мастерства...

Он купил огромную карту Советского Союза, повесил прямо в столовой комнате, повех дороги туржменского ковра, и самодельными флажками помечал, где до какой работы. Он брал Петюшкой на руки, особенно при погах, и спрашивал, помога неуверенной рукой по пачею, то массивным ключом подбиралось: «Ну, покажем, Петюша, где чем строить!» В ближайшее солнечное воскресенье, с джоганами везд красной поларной мебелью пылянками, он думал, застыл с полотенцем в руке, как маленького мальчика в одежде, и в одежде жии, а Петюшка все приставала, чтоб раскрасила ему снова и снова про стройки. Жена чухнула на синику из кухни, да у нее что-то жарилось с утра, шипело и бьнулось, а она прикрывала отадеваную под дуб дверь. А Петюшка канички:

«Па-а!»

«Шофером будешь», — обещал Ветров.

«Па-а!» — не унимался сынишка.

«Сам тебя в вертолетики запущу...»

«Ну, па-а!»

«Я с тобой на трассу поеду, сварщиком возьму».

«И мамку?»

«...А если не поеду, так вся биография будет выглядеть маленько по-улающему...»

«Па-а!... И мамку?»

Жена впрочем, отказалась, куда-либо трогаться, хотя и пожелала Ветрову и себя. Настой-бетонщицей, на тот же северной стройке лет двадцать назад и теперь расхолодав боначий свой барник, чтобы убедить: «Такую трубу поварить — это что-то да значит!» Жена погорелая, поплакала, но отпустила его, заправившая напоследок разных инструкций начет синевой, начет сада и «Вольта», оставшись стоять в просторном сарае, так и не передавшему под ноги ни одного камня.

До этих морозных дождями дней как бы и не вспоминал Ветров прерывистый голос своего меньшего, и омысленный, чуть завуалирующий взгляд старшего, и теплые руки жены — при прощании. Теперь же сквозил выбег сетки дождя виделась ему все. Ветров засучил рукава, как болевой, который только и жельет к кому-то близкому пригнаться. Он обмылывая себе, что это так, временно, от погоды, но в душе понимал причину своей уютности: у Ветрова стянисся нежданые-негаданные неприятности на трассе.

Казабось, так же, как и в былые годы, держит он взор между металлом и электромод, то есть ауду, — и одновременно, будто само собой, направляет у него поперечное коммутационное движение корпусом... так же идет он по ходу шва, гонит шпак с флосер. Все вроде бы правильно, все похоже, а не то! Он сам раньше контролировал, указавших ему на изъяны того памятного стька, почуя неладное. Правда, Дима, обойдаться, салкующие два стька удовлетворительно сварил. Но после... Дрожала рука! А ведь работа и на высоких и на низких тьках!

Он стал отставать от Матюшина-земляка, от напарника... Ветров варит другую половину стька и постепенно замедляется. Матюшин уже вижу, а Ветров где-то на сераде, Матюшин снова на железной лестнице, наверху, а Ветров только еще вытаскивает топчак, чтобы лечь спать.

Вот он, Ветров, только еще отшагив в блок, поднимается по приступкам, а Матюшин уже там. Отдышал. И все трассовики знают, как не заадиалось у него, у Ветрова, и те, для кого он просто Николай, и те, для кого Николай Петрович. Только успевай ловить эти соблазнительные взгляды, эти туманные намеки, эти вопросы... А он и сам себя пачкал: что это ты, Дима, что ты, Дима...

В блок слышали транзистор. Антенной служил держатель с кабелем, опу-

щепам на воле через фрамугу (балок был обшит железом, и без фрамуги антенна не брала). Плаваа сигаретный дымок. Играли музыка.

— Садись, Николай Петрович,— потеснился Чебураев-второй.

— Как дела, Николай?— спросил Матюшин. — Ты сидишь, прокуратор, из подставленной Чебураевым пачки с выгладывшими сигаретами ближайшую, ловко захватил ртом, и лицо Ветрова, громоздое, в редких давних ослезах, поблоровало.

— А какие дела?— спросил Ветров, отгнав сигарету от рта.— Дождик падалет... Как бы фрунгом контролерский в грозовое это не вышло... А ты, Матюша, поймай, вынеси, пока не прошел час по-московски.

Матюшин искал в эфире, слесари-стропаль Грищенко, открыла голову рьяного термоса, протянул Ветрову жиденький кофе (Ветров качнул отрицательно седошей головой), а Чебураев-второй еще потеснился, сказал:

— Присаживайся, Николай Петрович. В ногах правды нет.

— А ты думнешь, Ветров, сколько пастышка сварил, так уже и устал? Ветров запомнил свою балку, был в нем центром, как всегда, как и тогда, в день начала трассы — ему довелся первый стык!

Он будто бы возвратился за те минуты своего одиночества, своего торжества, когда положка завершающей пш — декоративной! Стоя в толпе и ждал, пока Грищенко молоточком-каевком сбивал со шва шпак — все эти ослезки, все выпальцы, — и блестящий ровный шов предстал перед глазами присутствующих. Шов обшпательный, поглаженный, нахваланный и верный, что стык сварен образцово, хотя контролеры-радиографы еще и не просчитали его. И он, Ветров, тогда судорога доверия подтвердил выдохом: А после... После, через десятка два стыков, и гранулы несчастия! И скоро повторилось. Нет, чтобы вырвать стыки, до этого не дошло, только люди саделались к Ветрову как бы сердобальными — вот!

Ну, то, что Чебураев-второй, который пока врет коровий шов и лямит один всю в трубу, чтобы подвартить, и ждет не дожидается, когда ему придет время стать в паре на целый стык, то, что он Ветрова уважает, на это надеяться можно. И на Грищенко то же самое, надо только брать перенюку почитать, что не любит Ветров этот косяк... А вот землак Матюша...

Ветров раскачивался легкоуго, вслушиваясь в треск и шумок эфирра. Старый Матюша!

Ну, гадуку, сердобальный народ пошел на север! — усмежившись Ветров, будто бросая слово всем набившимся в балок. И не услащав возражений, шпакля, выдохнул дыма в открытую фрамугу. И сказал напряженно, со скрытым ожиданием: — Едут!

Транспортер смолк. И в балке стало слышно, как рвалась и надаживалась в твояком диком бедолаестве, в разлившейся халяви фрунгов-машина контролеров ПШ — полевой испытательской лаборатории.

— Слышь, ребята, — нервно, прерывисто дыма, сказал Ветров — А на кой мне все это сдалось, а? Жена письмо прислала, говорит, тыль, садм завязался, Петюня разных трубочек натаскал, в нефтепроводах играет... Ну, сердобальные А?

Песнулася музыка из транспортера, запомнился балок брауерным маршем. Ах, какой же, ГАК-эфир, в эфире, кончалась известия.

Ветров пошел из балки крупными, изматив твердыми шагами навстречу показавшему ему фрунгов контролеров.

— Э-гей! — кричал он, бесстрашно нарушая порядок звуков на трассе.

Из открывшейся фургоня выпрыгнула радиограф Солодовников, в зинцефальце, с дозиметром в выгнутом карманчике, в очках, и зашелся к Ветрову. И Ветров спросил:

— Ну как! Привез?

— Привез, — свернуло очки Солодовников и увлек Ветрова назад, к балку, доставая из-за пазухи сшитые контролерские плашки. Пояснила на ходу: — Ну, что у тебя, Петрович, полный набор ошибок. Вот сейчас увидишь... Потенциал! Типичный, понимаешь ли, шпак. А вот!... Смещение кромок.

Не сплавляешь, а прожигает металл...

— Стой! — сказал Ветров уже у самого балка — А ну, седогам просветли! Он повернул от балки и скоро, будто подсобный мальчишка, стал помогать молоденьким, важным радиографам протягивать кабель от фургоня к трубе. Было сумеречное утро. Ветров, большой, в расстегнутой рубке, выглядел сейчас нелепо.

2

Только не до того — не до внешнего своего вида — было Николаю Петровичу. Ему потоснова его душ.

Когда выяснилось, что спорный, но забавный Грищенко еще вчера ввел в заблуждение машиниста трубоукладчика Чебураева-старшего, полпороса его вернулись на своей машине, придвинуть участок трассы с озававшихся непроверенными двумя-тремя стыками, и, обидясь, подыслажка чужих иудов стыков, Николай Петрович первый побоялся сделать черную работу. Он подхватил с кочки два пудовых бревна и понес их назад вдоль трассы. Не бросил, а положил возле пропущенных стыков. И успел вернуться за новой положкой, помогая придвинуть от балка, еще жеманушке Грищенко... А после Николаю Петровичу старательно затопала чурки под приподнятую кромку трубы. И еще, будто он не мастер, которому впопору беречь силу и координацию движений, перематывал через широкую, лоснящуюся спину трубы и с той, с другой стороны закинул радиограф Солодовникову псы с каскетам, зарезанными остроглазкой несваденной пленкой. Линия, куда пошла, была заведена в трубу, а контролеры, целясь карбидом, поламывали трубу со своим волшебным аппаратом, лишь тогда Николай Петрович сказал Грищенко:

— А ну, дай курнуть... И посоветовал... Не горюй, Сань. Если под жеман стлком чурки оставить, так и тайги не хватит. Трасса твою, а!

— Да-а-а... подержи... подержи... Матюшин: — Дост нам эта трасса жеман! Интересно еще, как расщитается в конце месяца. А то, может, и смысла нет!

— Старый разговор,— сплонула с языка табачнику Николаю Петровичу и отошел.

Он шагнул по хлопотливой этой полутруде, забавляясь беспечно — лишь бы подлазил от Матюшина, от землака своего.

Презид Матюшин ни на какие стройки не выезжал и вот, прослышав про сборы ветровские, завлился прямо домой, а потом твоядуло дыма, «Николай Петрович, куда написать, чтобы с тобой вместе... А что? Или мы льком шитье...» Матюшин был сварщиком высокого класса, адушого сварника и не падал. Плачулись, вместо пометки. Когда приближался уже к райкомовому шпиритру и молний их самолет стало болнать и искричатся, пришлося Матюшину успокоиться: «Весна на север! Восходящие потоки! «А я не в туманом,— раскрялся ядрт Матюшин.— Я такую животину, как у тебя в жарком, желаю завестись! «Э-э... с такими мыслями ехать...» «А ты с какими? Я погляжу еще...» Только, садется, сам-то ты другим приветил. Словом там шить, при какой работе? «То же, по-моему, я все года за тем и ездил!» «Ну, что проиоднее дело. По молодости!» «Ну, а ты, вглядеть, и по молодости...» Не договорил тогда Николаю Петровичу, не стал слов трещит, решил за тридцатидесятью летми оставить судейское слово, а дела, они скверно поворачивались. Негодово! И не хит Матюшин в своем сочувствии, напусковое оно, а сила за ним: хорошо человек варит.

От несваденных этих мыслей Николаю Петровичу и рад бы избавиться, да не мог. В горле было сухо, но пить не хотелось, хотелось курить, а сигарет не было. Он повернул назад, чтобы взять у Грищенко, и ядрт стало ему жалко себя донавал — может, и в самом деле пора подвартить отсюда, потому что кому он нужен такой, с ненадежной своей сваркой, ничемный, подвартивший порыву человек — оставил дом, семью и пустился за тридцать землей! А зачем! Видно, всему свое время. Не зря в дальние края молодые едут! А он пожелал удержат молодость, обогатиться, как ему балком удавалось, а земляк — не тот, ни другого, одна нахрапистая, одна душевная — места.

Тяжелыми шагами он вернулся к трассе. Радиографы залезали в обаянный шов фургоня. Бригадир Суворов и слесари-стропаль уже ладали центриатор, чтобы приторочить новую трубу.

Николай Петрович взял электроднишу. Надо было начинать следующий стык.

3

К концу этой ночной работы Николай Петрович то он отжедал, то он ослал. С превеликим трудом он забрался в ведедох, возниши сменишков на окранию посака, где кучился на голом месте балки сварочно-монтажное управление.

Кидясь из дрови в качку, ведедох нужно считал узкой твоякой просеки. Являлось возмущение гусеницы выбивая из мотажки ржакую болотную вошу, забрызгивала обочины и лесины. Густая духота скопилась внутри ведедохов. Ветров сидел, удавлившись тяжелыми руками за скамейку, и его шталло мешать других, мытые, чем Суворова, Грищенко, обоих Чебураевых... Скольз фрунгов одна разобра, а другая сказала слова Матюшина:

— Вот, Николай, тебе не «Волга».

Он не то чтобы попенялся ответить — нет, просто не до словесных свар, не до дискуссий было Ветрову. Он уже пружнее упирался руками в скамейку, глядел на подкашивающихся, завлившись с боку на бок сварщиков и думал: тяжелая труба! Почти все ребята махались при этом движении. Перед садкой первого километра радиографы сказали: два стыка надо пересваривать. Суворов, бригадир, обрадовался: «Если только два — не странно. Ожидал-то худшего!» Частозначные те стыки были не его, не Ветрова, из своих он лишь подстареливорава несколько и теперь варил дальнее... Но сколько так могло продолжаться?!

Ветров на прошлых трассах совестиво одолевая случавшиеся неудачи, старался и — кто знает? — может, именно эта ответственная, берущая все соки души работа и твоягул его, потому что не мог он без загадки, без нового обретенного мастерства, без сознания своей нужности, а то и незаменимости... А вот нынче не получалось! То ан дело в диаметре, то ли в стали, ли в кромке, выделана труба, или перемысь склялась, а только замучился Николай Петрович в сомнениях. После каждой случавшейся накладкой [у него ли, у других ли] балка Ветрова робела. А это и было самое худшее. Он ведь давно знал: когда сварка идет легко, как бы сама собой, значит, правильно. А если возмущается, что-то не в порядке. И хотя люди считались с Ветровым, высривавшим советом, приглядывались к его швам — ведь не один только бедолажный швь варил он, — все же растерялся Николай Петрович, не знал, что и думать... Пожалуй, один Матюшин работал безошибочно. Управляла-но, было он ближе, будь другие так и положимо землякам, Ветров бы еще лучше приглядывался к матюшинской завидной сварке, и, возможно, открывался б ему в своих сомнениях, он, поняв Матюшина, что он есть и чем дашит, Ветров молчал.

Он и теперь удержался от ответа Матюшину. И так доскоча до самого похода в балку, свивившись, а после притиснувшись к худалому псу, прибудившемуся невесте отсюда, почелась перестрелка шов и шагнул в посадок.

Ветров наведуца потчу потому, что адрес балков нон, ненадежен, и он для верности поучал псыком по «востребованно». Дорога к потче через псытар, черем мачи и ниде, была попутной.

Вот, Полашка-Полашка — говорил Ветров, — такие наши дела.

Собака скудела, вялая, худощавая, пронзительно глядела на Ветрова.

— А ну, Джумбарь... А ну, какой тол переменился! А какой постойный! —

— Сделаю, Петрович. Заметано.

Ветров прикрыл глаза. До баков ехали, как никогда, долго и мутно. Ветрова хватало лишь на то, чтобы сказать пару ласковых псу, умыться из целлофанового прозрачного мешка запасенной водой да пописать Солодовникову, заглянувшему в бак:

— Ну, Контроль, теперь от тебя полностью зависит флажок.
— Что-то я не понимаю, Петрович. Какой еще флажок? Ты, говорят, сегодня доказал кое-кому...

— Ну-ну, браток, гуляй... Гуляй,— попросил Ветров. Лицо его подалось отчаянному зеву.

Николай Петрович заснул, едва улетел. Ему виделась карта во всю белую стену, как ковер, и сын Петюшка, лепивший под самым потолком новую красную отметку. Ветрова не могла добуздаться ни жена Сузрова, прибегавшая с миской горячего борща, ни слесарь-стропаль Грищенко, доставивший ему письмо из дому.

8

Он проснулся оттого, что сильные порывы ветра сотрясали бак. За окном гудел мотор ПИЛовский фургона, громко переговаривались люди. Одеваясь, Николай Петрович покачал головой — на таком ветру варить не полагалось... И тут заметил письмо. Читал сперва с беспокойством, с ожиданием, а после усмехнулся, вздохнул... И скоро вышел из бака.

На трассу ехали одна только ПИЛович — просвечивать давешние стыки. Сварщики, вышедшие было на смену, топтались, сокрушенно разводя руками и прикидывая в так и этак (еще спорили: при такой силе ветра дашь качество или не дашь!). Некоторые были за то, чтобы работать. И первый Матюшин.

— Палатки натянем — ничего не сделается, — наступал он на Сузрова. — Простой не лучше.

— Что-то я не пойму,— говорила Сузров. — То ты вроде не рискуешь, гарантируешь, а иначе разохотелся.

— А ему свой интерес дороже! — поддал голос Грищенко.

Некоторые, пока суть да дело, подходили к Ветрову, здоровались, подавая руку. А спорщики, не замечая Петровича, прилепили его в разговор.

— Ветрову гарантия не требовалась? — допрашивал Сузров Матюшина. — Вот он давеча за тебя же варил.

— То труба особая, какой за нее спрос? Не сварить — ладно, а сварить — герой. У него тоже свой расчет.

Тут Николай Петрович шагнул к Матюшину:

— Какой у меня мог быть расчет? Какой!

Матюшин дернул плечом, не ответил ему, а обратился снова к Сузрову: — Он — вот он, Ветров. Ты его попытай! А по мне, так лучше б эта одна труба пропала, чем я зря выкалдываться буду. Я тут за монетой — зазорно, что ли? Я хласс даю, а остальное... Э! — Матюшин оборвал себя.

— А ветер? — спросил Чебураев-второй.

— Что ветер?! А если тот ветер недалеко задует будет? Так тут и загорать!?

— Н-ну, Матюша, — развел руками Сузров.

ПИЛовская машина отъезжала, Солодовников поощедал:

— Ты жди, Петрович. А как вернемся, твой стык первый провиам...

— Давай, — кивнул Ветров.

Трассовики гурьбой валили в столовую. Грищенко громко доказывал кому-то:

— ...А как она догадалась, та труба? Вы на готовое приехали, а я еще на транспортнике работал. По реке-то баржи шли, а на притоке мелководье. Трубы на берег покидали, а дальше-то что? Ни путей, ни дорог! Ну, один чулак придувал, чтоб дальше своим ходом сплавлять. А стали пробовать — намухались! Это ж каждой трубе по две деревянных затычки делай! А это ж ни в какие расценки не входит...

— Что обсуждать? — сказал Чебураев-второй. — По технологии не положено — на ветру...

— Ладно! — откликнулся Матюшин. — Давай кантуйся так! Поглядим, что заработаем...

— А-а, пропади ты пропадом! — сказала вдруг Николай Петрович и повернула от Матюшина.

Он зашагал назад и при особенно сильных порывах ветра, доносивших выхлопы контрольного фургона, беспокойно оглаживался. Машина терпела двойную нагрузку: и хлыб и ветер, порывы перелет в ураган. Потoki воздуха нахлывались на трассу с севера, со стороны океана.

Воспитание чувств

Элла МАКСИМОВА

Вред Смоленск я спросила у соседей по купе, как быстрее добраться до райцентра Хиславичи и откуда можно ли оттуда Захаркино. — Война! — спросил мужчина.

Наверное, смолянин, раз знает про Захаркино — село, где оккупанты расстреляли всех мужчин, потом всех женщин, стариков и детей, а потом сожгли все, что напоминало о них, — избы, вербы, чачели, мостки. В 1943 году в «Советской России» была напечатана обстановка к правительству США резолюция схода жителей Хиславичей: они требовали выдать в руки советского суда в нацотдела Е. В. Рижского. Он обманывался в отношении пособничества фашистам. В хиславичской управе Рижской заведующий школьным отделом. Работал коротко. Работал от у него? Работал. Ну и попутный заработок. Получить он не успел, потому что вскоре умер.

Младший лейтенант Семен Михайлович Минкин в то время воевал в Прибалтике. Только через двадцать с лишним лет попал он в родные места. Тогда и узнал все про Рижского. Фашисты Минкин ненавидел так, как может ненавидеть человек, которого прожил четыре года войны на войне и потерял в одночасье всех близких — мать, отца, брата, сестру. Их расстреляли в том самом Захаркино. Если и ненавидел кого сильнее, был: нет неважно справедливо, чем тот, который лез в приговор предавшему. А что Рижский слунил убитым, поверить не мог. И, не поверив, решил действовать.

С Минкиным я знакома давно. Но как? Как журналист с читателем, по письму которого пришлось выезжать в командировку. Однобокие отношения: ты о человеке знаешь довольно много, он о тебе — почти ничего. Ты для него что-то вроде материализованной идеи справедливости печатать. У каждого журналиста остаются в блокнотах такие адреса. Оттуда по праздникам аккуратно приходят яркие открытки, а в случае нужды — деловые письма. Справедливо, что и без лишней слов будят понятия.

На этот раз Минкин писал про трагическую историю своего учителя. Рижский учил их немецкому языку. Таскал на уроки фольклоры из своей библиотеки, читал в подлиннике Гейне и Шиллера, превращая в поэзию перфекты и плоские описания. Конечно, в школе не встречались центелем Гете. Но было то, в чем лицедействовать почти немилосиво: предан-

ность детям и преданность детей, безоблачная преданность. Класс он всегда входил улыбаясь, как на праздник. Смущались его никто не помнил. Семь отличников было в выпуске Рижского в тридцать девятом, когда кончалась школа Минкин. Все пошли в учителя, потому что учителем был Евгений Владимирович.

Направление чувств, ума, интересов Рижского — все, что составляет личность, — он разрешало повернуть в предательство. Правда, нашлись бывшие одноклассники, которые утешились, посоветовав: «Вроде бы по-прежнему был честный, а не издался». Да-а, и такое бывает. Семен Михайлович был убежден, что нет, не бывает. Что уж если считал человека человеком, то не спешит соглашаться с превращением его в подлеца. «Не может быть это» — сказал себе не тот, влюбленный в классного руководителя шестнадцатилетний мальчик, а пятидесятилетний мужчина. Коммунист, отец знающей профессору жизни не по Островскому и поэзию ее не по Шиллеру. Жизненные принципы, а не чувствительные воспоминания детства подкапывали Рижского.

Живет Минкин далеко от Смоленска, на юге. Но в очередной отпуск снова поехал в Хиславичи. Что он мог? Ходил по селам и распрашивал. Сказал незнакомым людям, помогая вспомнить, списываясь с уехавшими. Попутно, как обычно, обстраивал совсем посторонними заботами. У Шорникова Ульяны, которую знал он в детстве первой колхозной ударницей, прохудилась крыша — пришлось идти в райисполком. Начал добиваться, чтобы дотянули лес в деревню, от которой до леса почти три километра. — Пробил: включили в план на следующий год. А со старушкой Богачевой нельзя было не пойти в райисполком.

Никто не сказал о Рижском худого слова. Каждый новый факт точно соединялся с ранее добытым, как уцелевшие осколки большого зеркала. И оно отражало то, что Семен Михайлович мечтал увидеть.

Теперь можно было реконструировать мотивы поступка Рижского.

Сначала его несколько раз вызывали в коммандатуру переводить разговоры с местными жителями. Через два месяца предложили занять должность начальника управы. Он отказался, сославшись на свои особые педагогические обязанности и неумение распорядиться. Немцы продолжали настаивать, он — сопротивлялся. На время оставили в покое. Но вскоре последовало новое предложение, теперь уже в качестве заместителя — заводил школами. Предложение сопровождалось угрозой. Попробовать уйти в дальнюю деревню, переждать. Нет, надо соглашаться, пока они не нибудь полуратомом мерзавца. Этого фельдфебеля коммандата не так уж трудно прогнать. Если при свободном знании языка будут настаивать — приехать и если разок-другой сводить этого дурмана на охоту. Рижский дал согласие. Было ему тогда шестьдесят лет.

Решившись факты не посчитав их убедительности, неотразимой, Минкин обратился с заявлением в высшие судебные инстанции.

Все это и было рассказано в письме, которое я читал мин.

Судья того учителя началу млея как-то не очень расстроившим. Зато это учитель заставил задуматься. Знаю суматошную жизнь школьного завуча и преподавателя — директор школы). Знаю, как неотложны все его будничные заботы, сколько надежд возлагается на летние каникулы,

как ждуть их женой, дети. И посчитать все это второстепенным! Чего ради? Разве погребенное во долгие лет прошлое значительнее, чем то, что сейчас? Однако и то-то и дело, что это и в не он, Минкин, задавался такими вопросами.

Есть автоматизм нравственного навыка. Наверное, только им и проверяется истинная нравственность. Когда когда выбрасывает руку на собрании, требуя слова в защиту справедливости, не забывшая последний, не подсчитывая угрозы, а поворачиваясь лишь к непроборному душевному давлению.

Я поехала в Хиславичи. И не для того, чтобы проверить сведения, собранные Семеном Михайловичем. Нужно было явственно представить человека, сумевшего вынуть такую веру в себя.

Существуют какие-то неопределенные связи между домом, улицей, садом, лесом, рекой и действием человека. Это-то совершая, о чем-то думая, человек смотрит на это. Попробую и я, глядя на то же, восстановить его взгляд. Выглядеть, как понимаю? Обязательно самой, лично увидеть то, что возможно. Попытаться восвос-

очереди — в округе, у памятника. Мраморный проулынокин в колдее черной, с пятнами ржавчины, решеткой. Лицом смотрит в ров. Позади на чью склоненную спину: вот-вот грянет выстрел, которого она ждет....

В рау, под платой, должны были лежать родители Рижского, негнущие улыбки у порогов окошек, теперь уже знакомым им хиславичских домов. Это внуки тех женщин, дети тех детей, которых спас Рижский.

Разговоры начинались со слез. Это, кто не желал, вызвала их плечо. Это кто друг с другом люди редко говорят о тех днях. Сами что знают, то знают, дочек и сыновей заведут — пусть забудут, а внуков и вовсе пусть не знают.

Вот краткая суть рассказанного им разными людьми.

В. М. СОРНИН, глава бывшего секретаря Хиславичского райкома партии, к началу оккупации оказался с тремя детьми в Пышкове. Сорнину прятала ясы деревья, включая старую насадку ивров, поначалу дела и смалков). Однако оставаться там стало опасно. Она решила переехать в пустовавшее здание школы

дать обстановку действия. Пораспространить людей.

Сначала меня вела адреса, сообщенные Минкиным. А потом я пошла дальше — обнаружив и он тут же веры.

Мне не вспомнить командировки в Пышкове. Чего же не стоили два отпуски в Хиславичи Минкину, для которого жидкая уличка соединялась с именем повешенного — друга, замученного — друга, родственника, соседа!

Вот управы, где за пять минут приговаривали к расстрелу и двор, где расстреляли без приговора. Домом восточной, ландшафтником. Теперь тут детский сад, в окнах — кузлы верхом на кубиках. Старость не замечать кукол и мысленно восстановить то, что происходило в те дни на этом ровном крыльце, за этими веселыми мальчишками.

Вот парк, в котором три недели лежал отоданный на разстертые соблазна труп Володи Богачева. Теперь тут молоденькие деревья и юные парники, но обремененные воспоминаниями.

Тихо там, где гремели пулеметные

недалеке от Пышкова. На то, чтобы поселиться там, нужно было разрешить управы. Минина пошла к Рижскому (важный момент: кабинет его был устроен не в управе, а отдельно, на малолетней улице). Он сделал вид, что не узнал ее, и дал бумагу. Потом специально приехал к старосте — предупредить, чтобы беречь голову). Сказал: «Отвечать будете в будущем, а в настоящее, поскольку приказ гласит: «Закрытие коммунистических кабинетов» — расстрелять. Минина сказала: «Отвечать будете в будущем, а в настоящее, поскольку приказ гласит: «Закрытие коммунистических кабинетов» — расстрелять. Минина сказала: «Отвечать будете в будущем, а в настоящее, поскольку приказ гласит: «Закрытие коммунистических кабинетов» — расстрелять.

Сейчас сын Сортина Дмитрий — главный диспетчер «Калининэнерго», Клар — фармацевт, Инна — инженер. У Сортиных пять внуков. М. Н. ШВЕДОВА, жена коммуниста, фронтовика, рассказала: человека, знавшего своего фашиста по бургомистра, муж Шведова, директор фабрики, сместил перед войной с должности главного бухгалтера за несправедливость. Теперь бургомистр решил расквитаться. Полицейский вывел в дом все чужие, устранили по документам, многократно объяснил — просто так, для куража. При встречах бургомистр многозначительно усмехался: «Считавши для да легаря! Но правды угрозы в исполнении ему не удалось — за семью вступился пере-

кем-то в управе Ржевский. Шведова считает, что жизнью детей обязана ему.

И она растит двух внуков.

А. Н. БОГАЧЕВА, жена фальшера. Сначала расстреляла мужа, осталась с сыном-девятиклассником. После получения на нем свидетельства Вольфа был схвачен. Ржевский свидетельствовал, что Богачева не было той ночью в Хиславичах, и поручился за него. Вольфод выпустили. Он был расстрелян через несколько месяцев за попытку освободить арестованных.

В. Д. КУЗЬМИНА, учительница. Летом 1941 года у нее гостила жена брата Маня Драгилева с детьми — Фридрихом и Кирой. В юности Маня была одной из первых в Хиславичском районе комсомолок. Местный полицейный не забыл, как Маня раскуривала его отца. Охотился за ней три месяца. Ей сватовил с сыном. Мальчик был расстрелян вместе с матерью, если бы Ржевский не убедил команданта, что Фридрих не сын, а пасынок Драгилевых.

Фридрих и Кира живут сейчас в Ленинграде. Но — слесарь-сборщик, она — инженер на заводе, где раньше работала погибшим на фронте отец. У Фридриха — дочь, у Кир —

ся проверить: до самого прихода советских войск жил у Ржевского в расстрелянной в гетто учительницы. Про это в письме Семена Михайловича ничего не было.

Сына учительницы надо было найти. Хотя все, что знала я теперь про Ржевского, говорило в его пользу — да, он спас, спас много раз — но каждый случай был случаем, непредвиденным, быстропроходящим. А может, решения его тоже были случайными и освещали лишь лишь мимолетные проблески совести!

Но если про еврейского мальчика все правда, значит, Ржевский рисковал не раз, не десять, а изо дня в день, вполне сознательно.

В Хиславичах о судьбе мальчишки понятия не имели, даже если бы Борис, то ли Леонид (у погибшей учительницы было два сына): даже фамилии, то ли материальной. Жил, то ли отцовская — Шапоронок. Почти безнадёжные были поиски. Нить тянулась из города в город: Ленинград, Челябинск, Омск, Великие Луки, Барнаул, Алексей, Москва,

как прятал бы сына, оберегая от чужих глаз и от собственных тая. Однако Боря много приключал: как никуда не уходил, а потому не уходил, как спускали его в подпол, как с наступлением темноты вызвали Ржевского в сад, а потом кому-то укладывали на кровать. Помнит ночью прилучил его, когда для Бори, была прогулка на велосипедах куда-то в глухой овраг, секретный разговор с каким-то мужчиной в лесной сторожке. И старшину сажали на стул: не выдержал. Был в истерике жена Евгения Владимировна: «Их могут убить там — в постовом строю! Я буду на улице кричать!». А еще он был в плену Илларионовича тогдашне детское заключение, к которому пришел, наблюдал все это: у Евгения Владимировна тоже в плену, Илларионович оставил в тылу — спастись нашим.

Нет, не так, не совсем так, потому что Ржевский сам полез в пекло. Можете сказать, что он, Ржевский, претерпел от, принимая каждое решение один, без помощи. Да еще характер — бесстранный, приспособленный к общению с детьми, а не к танковому единоборству.

В то время по соседству, в Ершицком и Рославльском районах, действовала партизанская бригада имени Лазо. В разведке работал ее комиссар Николай Семенович Шаравев — он живет в Смоленске. Рассказала ему историю Ржевского. Выводы Николая Семеновича были вполне определенными. Он так описал положение в Хиславичах:

— В тот район мы не заходили: базировались нагиде, безлесье, объектов интересных нет. Дорог, не коммуникации, ни крупных гарнизонов — одни полицейцы. Неподходящий район в партизанском смысле. Там, как Ржевский, трудно было чрезвычайно. Да нас, лесовиков, далеко связать не с кем, даже агенты нашей в Хиславичах не было. Одна возможность работать против фашистов — идти к ним. Идти к слугам. А опасность не меньше, чем у нас, которые с оружием и вместе...

Очевидно, возникнет вопрос: что же делала сложившаяся ситуация, когда его судили! Попробую объяснить.

Следствие шло не в Хиславичах, и сюда мало кто доходило, кроме устаревших следов. Кто-то слугал кого-то не было. А кто-то и повел, посетил свой факт, свой закон чужестранности, выпадаящей из цепи преступлений. Мысль о том, что и что было бы по военным временам доказательстве: слова обуревающей от горя старухи, клятвы пятнадцатилетнего мальчишки или заверенных подлинными документами административные распоряжения заведующего школьным отделом Е. Ржевского, свидетельствующие о выполнении указами немецкой оккупационной администрации? Но не все, конечно, отшлупились. Вот что пишет мне Шапоронок: «Помню, как знакомые Ржевского догнали одного из нашего офицера, говорили, что его показания могли бы открыть путь. Да не нашли. Наверное, уже шел с армией далеко». Война еще не кончилась, победы были почти полтора года...

Многое из того, о чем здесь написано, вообще стало известно лишь недавно, по новым документам, переданным новым вопросам

свидетелей. Правда уже не расказана, а доказана.

о протесте заместителя прокурора РСФСР судебная коллегия Верховного суда РСФСР реабилитировала стору. Власти не знали, что было дано умер — тому уже было шесть четверть века. Не отказано никому, кто носил бы его фамилию.

А вась Минкин чудоват, согласился, — резюмировал эту историю весьма трезво мыслящий юрист.

Ну, очистил от человека, а что, тому? Вольфод Баршш? Тут стронил ридационный шофер, с которым колесили мы по Москве в поисках следов Бориса Илларионовича.

Вопросом этого человековедается давно. Шекспировский Фальстаф размышлял: «Что же такое честь? Слово. Что же заключено в этом слове? Вольфод Баршш? Тут я прерву Фальстафа и приведу строки из одного письма. Его писал Семену Михайловичу друг-одноклассник: «Как я пошутил, как это-то со Ржевским будет слоно. Послушай благоразумного совета: явесь силы, здоровье, оно у тебя после контузии ненадежно. Оставь это дело, как ты разбираешься. Живика для себя, для семьи, потом уж для прочего». Да и беда-то старинная, бьлем поросница, не стунит, не оторвет — торжоробують.

Есть своя логика в этой чреде истины, касающихся всем известных взаимоотношений плети и обуза, либо и уснивания, истины, опасной своей бальностью. Вот и Ржевский, он дает верде очевидное: «Что обладает честью? Тот, кто умер в среду. А он чувствует еф! Нет. Значит, честь неощутима! Для мертвого неощутима. Но быть может, оно будет жить среди живых? Нет».

Как легко принять, как просто согласиться...

Как опасно согласиться! Если бы связи человека с людьми уходили с ним в небытие, что стало бы с нами, с родом человеческим! Забыв добро, не помня зла, он со всей силой поразительной техники, наверное, одичал бы.

Для Минкина Ржевский не умер. Разгневая очевидцев тех дней, он тел с учителем диалог, отменяющий обного тем, что был разорван во времени. Тогда, в годы оккупации, Ржевский говорил себе, ему, всем ученикам, девятиклассникам, надо было далеко от Хиславич уйти: там борюся, как могу. Вы убедитесь, что это так. Минкин ответил учителю сейчас: «Я никогда не сожалел о том, что не ушел в лес, и что и как было, в это тоже важно». Торжество истины не может быть слишком поздним, оно всегда совершается.

Так же, как мать, как отец, ученик сохраняется в детях. Доброе имя Ржевского — это вера в людей Васи Хилькевича, Тимофея Моисеенко, и свидетелей, иди Марьяненко, достояние человечества. Неизменная история юношеских кумиров. Пусть Хиславича уже не те — пусть тротуары, и степляные кафе «Ветерок», и свидетели, и классный руководитель, и универмаг, — эта вера не должна померкнуть.

То, что сделал для Бориса Шапоронок умерший учитель, и то, что сделал живой и классный руководитель, — норма. Стоя на возмущении нормальным, то есть обязательным? Стоит. Ибо каждый талант случай укрепляет нас в убеждении, что это и есть норма.

сим. Сейчас мальчик гостит у Веры Дмитриевны. Он играл за окном, пока мы шептались с ней, чтобы он не услышал. Скавал на лозе по тому месту, где тридцать лет назад прятался в огороде его бабушка Маню.

Подобных случаев много, и все похожие: арестовали, забрали в полицейное, Евгения Владимировна, что сделала, куда-то сходил — освободили. Спасал молодежь, которой грозила отправка в Германию: оформлял на флотиновую работу, выдавал фальшивые справки. Учительский колледж района сохранился почти в полном составе.

Помнит Ржевского и люди, ничем ему не обязанные. В гостинце дед из соседней Лобновки шумно вставлял мне: «Владимирчик был мужик авторитетный, сословины не считался, хоть пать языком понимал. А дежурная Маша подкапывала: «Точно, дед, справедливо». Маша не хиславичка, про Ржевского узнала от свекра. «Слухи ходят по народу», — объяснила мне Маша.

Разные слухи, похоже на сказки. Про разведчика, спрятанного на чердаке: про солдата, бежавшего из плена, которого проводили он на тыльную тропу, что вела к своим... Одну легенду, казалось, можно почитать

Горно-Алтайск, снова Ленинград и, наконец, Североморск. К этому времени я уже знала, что Боря, точнее, Борис Илларионович Шапоронок, стал военным моряком и служит на Северном флоте. Упоная на журналистскую солидарность, звоню в местную газету и умоляю как можно скорее рассказать обо мне: отivot должен идти в плавание. На вечеру Североморска сообщают: завтра в 14.00 минута Шапоронок будет читать вашего звонка по такому-то номеру.

Едва только я произношу: «Хиславич... Ржевский...», как голос на том конце провода начинает прерываться... Вспоминает Шапоронок медленно, с длинными паузами. На десятой минуте вмешивается телефонистка: — Звонячийае!

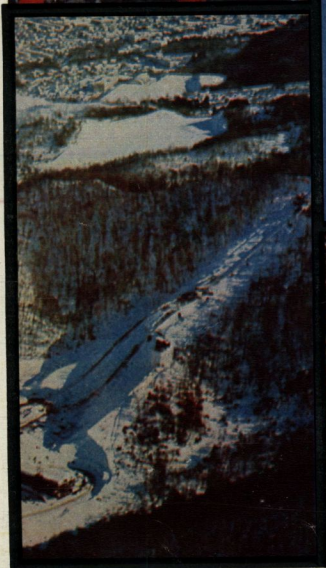
— Пожалуйста, девушка, это же не личное дело, я журналист... — Подождав, у меня адмиралы ждут!

— Ну, хорошо, хорошо. Вы послушайте о чем разговор, и тогда, если сможете, обьявите... Прогосворили мне уже двадцать пять минут. Телефонистка выдыхала морфем.

Все как. Полтора года прятал у себя Ржевский тринадцатилетнего Боря,

Давно известно, что прогнозы в спорте — дело неблагодарное. И хотя за последние годы в распоряжение «прорицателей» поступила мощная электронно-вычислительная техника, а под практику прогнозирования победы создана теоретическая база, предсказать исход крупных международных соревнований так же трудно, как и прежде. Даже труднее. Ведь почти во всех спортивных дисциплинах резко обострилась конкуренция, расширился круг фаворитов, а все это осложнило и без того незавидный труд мастеров прогноза.

Мы не ставили перед собой задачу назвать тех, кого XI Зимняя олимпиада в Саппоро унесет золотом, серебром или бронзой. Более того, мы убеждены, что задача эта не по плечу самой совершенной ЭВМ. И потому предлагаем читателям «Смены» просто познакомиться с элитой мирового зимнего спорта, со спортсменами, каждый из которых имеет неплохие шансы стать олимпийским лауреатом.

Борис ХАВИН

ЗИМА НАЧИНАЕТСЯ В САППОРО

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Мужчинам: гонки на 15, 30 и 50 км,
эстафета 4 × 10 км

Женщинам: гонки на 5 и 10 км,
эстафета 3 × 5 км

Спортсмены скандинавских стран традиционно сильны на лыжах. Так же, как бразильцы в футболе, японцы в дзюдо или индийцы в травяном хоккее. Каждое поражение скандинавов в мужских лыжных гонках становилось сенсацией. За четыре с лишним десятилетия скандинавы лишь дважды проигрывали олимпийские гонки — в 1956 году эстафету 4 × 10 километров выиграла команда СССР, а 12 лет спустя в Гренобле на дистанции 30 километров победил итальянец Франко Нонес. Успех Нонеса болельщики увидели по самолюбиво северной (за итальянскими гонщиками ведь нельзя закрепиться прочная репутация аутсайдеров), но все же они были довольны исходом состязаний в Гренобле: в шести мужских и женских гонках Норвегия и Швеция торжествовали победу. И если шведы были

САППОРО — СТОЛИЦА ЗИМНЕЙ ОЛИМПИАДЫ. НА ПЕРЕДНЕМ ПЛАНЕ — ЗАЛ, В КОТОРОМ СОСТОИТСЯ 72-Я СЕССИЯ МОК.

НА ЛЕСИСТЫХ СКЛОНАХ ГОР ВОКРУТ САППОРО БУДУТ СОРЕВНОВАТЬСЯ ЛЫЖНИКИ, СЛАЛОМИСТЫ, ПРЫГУНЫ С ТРАМПЛИНА. ПЕРЕД ВАМИ — ВИД НА 70-МЕТРОВЫЙ ТРАМПЛИН МИЛНОМОРИ.

3 ФЕВРАЛЯ НА СТАДIONE МАКОМАНАН ОТКРОУТСЯ XI ЗИМНИЕ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ.

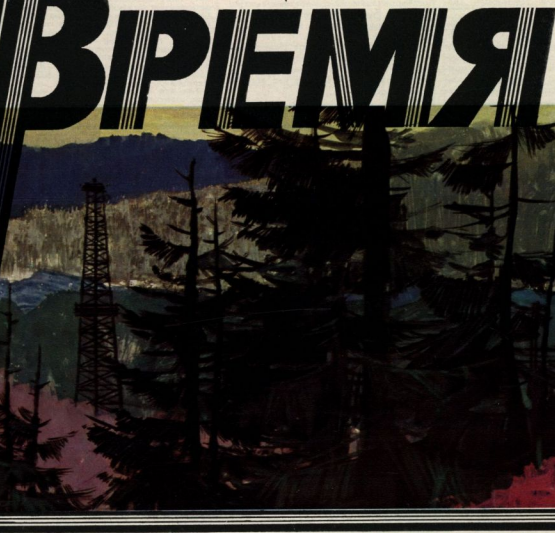
КРЫТЫЙ КАТОК МАКОМАНАН, ВМЕЩАЮЩИЙ 12 ТЫСЯЧ ЗРИТЕЛЕЙ, ЗДЕСЬ БУДУТ ВЫСТУПАТЬ ХОККЕЙСТЫ И ФИГУРИСТЫ, А 13 ФЕВРАЛЯ СОСТОИТСЯ ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЦЕРЕМОНИЯ ЗАКРЫТИЯ БЕЛОЙ ОЛИМПИАДЫ.

1

— Вот и наш город, — сказал Матвеев.

Дома стояли в ровном, чопорном строю. В тени зданий, куда не доставала кренцунка солнечный свет, лежали оплавившиеся, поздравительные майские глыбы снега. Кажется, что так было всегда.

2

А вышли мы еще до рассвета, и светила полная луна; дом Баранова стоял на отшибе, и мы шли через весь поселок к ДЭС, где уже прогревали моторы вахтовые машины, уходящие в Мухто; а луна светила, и мы шли по серебристым, заливательным тротуарам; через затанцующую речушку был переброшен горбатый деревянный мостик, и за ним уже видна ДЭС, и дизели стучали, и холоден был октябрьский свет луны.

К Баранову, парторгу Паромасского нефтепромысла, я приехал поздно вечером накануне.

Костяк, крепкий человек с крупными прямыми чертами лица сидел за простым, грубо сколоченным столом, покосив на большую табуретку, и ел с чугунной сковородки дымящуюся картошку, запивая ее молоком. Была на нем клетчатая рубашка, из-под стола торчали ноги в белых шерстяных носках. В его позе и в позе сидевшей рядом женщины, положившей голову на сомкнутые руки и молча наблюдавшей за тем, как он ест, была умиротворенность. Парторг редко бывал дома...

Еще до рассвета надо было отправляться в Мухто, основной поселок промысла.

В машине мы сели тесно друг к другу и закурили; сосед Баранова тут же завел с ним разговор про ядерный взрыв в Китае, два дня назад за четвертой полосой «Правды» мелькнули семь строк полужирным летитом (Агентство Синьхуа сообщает: 16 октября 1964 года в 15 часов по пекинскому времени Китай произвел в западном районе своей страны взрыв атомной бомбы!), это было первое сообщение, сосед наседал на Баранова («Как же понимать, секретарь? Что же они затеяли, а?..»); двое или трое, не успев распелескаться по дороге к машине, сразу пристроились спать...

Так мы ехали, трясся на ухабах, подлетая до брезента и снова опускаясь, авось друг на друга. — Два часа до работы и два обратно, — сказал Баранов. Постепенно светлело. В овале над задним бортом стал виден сухой, серый лиственничный лес, голубевший к горизонту, редкие ели и низенький тускло-свинцовый стланик.

— Капитальные дороги нужны, — сказал Баранов, — капитальные дома для людей. Будь увидите наш Восток — тогда все поймете.

Серый притихший лес резко рванулся в сторону, машину опять трянуло, один из спящих проснулся и спросил: «Что, проехали поворот? Ему сказали, что проехали. Он засуетился, стал выглядывать из машины. Грузовик притормозил...»

К Мухто в машине остались только мы с Барановым.

Поселок был неказист; плоские дома, ветхие фанзы сползали по глинисто-топкой земле в овраг, но было в том что-то лихое, бесшабашное.

К директору нефтепромысла без конца шли люди с разнообразными, подчас неожиданными делами; он изывал от вынужденности своего сидения в кабинете и говорил резко, нетерпеливо.

Геолог шумно требовал девятиметровые рулетки, которых в Мухто нет, но они есть в Пароме, и надо посылать за ними машину. «Машины нет», — отрезал Белоус; геолог хлопнул дверью и ушел. «Вот тохи-матхи», — добродушно сказал Белоус, — еще и рулетку я им доставать должен...»

— Странно, — сказал Баранов без всяких интонаций в голосе. — Странно, что ты на геолога обиделся. Удивительно, как сам за рулеткой не поехал.

— Ладно тебе, — миролюбиво сказал Белоус. — Показали на 60-ю! Нефть я там жаду, хорошую нефть. На подоссе живем.

У скважины было тихо; лохматый рыжий «бородяк» неопределенного возраста сидел, прислонившись к железной бочке, и меланхолично выковыривал вату из дыры на своих штанах.

— Философ, — буркнул Белоус. И заорал: — Почему остановили монтаж!

— Да скважину опломбировали...

— Кто? Почему?

— Да Кравченко из объединения. Инспекция по технике безопасности...

— Ну, чудак, — сказал Белоус, — ну, тохи-матхи! Что же вы этот блок вместе с пловобой сбить не могли! Другой бы поставили... Где ключ! Да не этот! Быстро, быстро давай! Вот так.

Сев в машину, он крикнул:

— Собирай все! Хватит загорать!

Нефть нужна, ась!

А шоферу сказал:

— Жми в контору. Сейчас я инспекторов уговорю.

— Уговорили, ась дело, — сказал Баранов.

— Ничего, — пообещал Белоус. — Этот Кравченко сломает себе голову. У него там начальни новый — вот он и выдобрется...

— А пока ты упраснивать будешь

Кравченко, и клысть, и клясть...

— Ну, до чего же ты нудный человек!

Мне, что ли, эта нефть нужна!

— Конечно, тебе. Ты же только

про Эхаби думашь да про то, как

обойти этот промысел. Ну, еще и про

себя, про директора, который сумеет

Эхаби обставить...

Эхаби, пожалуй, самый прославленный

нефтепромысел Сазалина.

Поздней осенью 1936 года по вспух-

шему речке Гиляка-Обунай прошел

переполовинный кунгас. Другой доро-

ги не было — тага, марз. Это сейчас

автобус добегает до Эхаби за два-

дцать минут. В таких случаях говорят:

двадцать минут тридцать лет!

Среди первопроходцев шесть комму-

нистов и пятнадцать комсомоль-

цев. Резолюция первого собрания

партиячки: «Ни шагу назад. Мобили-

зованные второй пятлеткой, мы

находимся на ее переднем крае.

Объять строительство нефтепро-

мысла ударным. Включиться в ста-

ханское движение. Каждый метр

сверхплановой проходки — наш удар

по международному капитализму.

Каждый метр сверхплановой прох-

одки — укрепление позиций социали-

стического общества. Промысел разви-

вать, креп. Обживались, прикипели

к мелкокорному краю мелкокорные лю-

ди. Здесь первым начали применять

методы искусственного воздействия

на пласт. Умные, светлые головы за-

тебли и к весне 1964 года закончили

перевод скважин на телемеханиче-

ское управление...

— На Эхаби башкой работа, в не

нахрапом. Ты бы поучился у них,

Боря...

— Дело он знает, — говорил мне

вечером Баранов. — Моментально

ориентируется в любой производ-

ственной ситуации, умеет принимать

решения и отвечать за них. До него

О ГОРОДЕ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО, О ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ БЫЛИ, ЕСТЬ И БУДУТ...

на Пароме был полный разлад. Но это человек мгновения, только данной минуты. К следующей он не готовится. Зачем! Он молодой, может работать отменно: пришла минута, возникла новая ситуация — вот и решаешь сейчас, быстро, быстро!

— Сколько вам лет, Дмитрий Николаевич?

— Тридцать шесть. А что? — Ничего. Я думал — больше. Он действительно казался старше своих лет. Быть может, оттого, что уже давно привык себя быть «сдержаннее»; быть может, оттого, что уж он-то жиги не только этой минутой, этим днем, а думал, выстраивал в воображении, «бирал в себя дни и годы следующие, готовя к ним себя, говорил другим, и вот эти, не прожитые еще, но уже продуманные годы наложки печатя на его облик!»

— Главное — свою жизнь прожить, не чуяко, — сказал Баранов. Завонил телефон. Баранов снял трубку и в комнату ворвался хриплый, разочарованный, злой голос Белоуса:

— Фейерверк был зря, Дима! — Что случилось?

— Уговорил «в-таки инспекцию, в ногах у Крамечки вывалялся» — и все вступило. Нет на 60-й нефти. Солена вода пошла. — Зато 119-я не соврала. Был я там...

— Правда! Хоть на том спасибо. Нет, как все это было? Закончил человек горный институт — и на далекий остров. Парень решительный, волевой, хваткий. Назначают его начальником отдаленной нефтезаведки. Но далеко от острова — даже разведка отдаленная! Командировка во вторую пятчатку. Бремя заторопило свой бег. Так ему показалося! А парень молодой и честолюбив. Самой молодой начальник нефтезаведки хочет быть самым лучшим начальником самой лучшей нефтезаведки.

«Пятнадцатилетний капитан» — это о нем уже так говорят. А дорог по погодам нет. Только радио — как дела, то да се. То — есть, сего — нет. Нет труб. Давай доставляем сам, если ты молодой и умный. Молодой и умный садится в санитарный ведеход, облучается в белый халат. Дюжые санитары укладывают под покровом ночи (или среди бела дня, какая разница!) комплект труб, предназначенных для другого участка. «Пятнадцатилетний капитан» получает титул «партизана», выговор и назначение директором остающегося промысла.

— Он и на должности директора укрученного нефтепромысла может всю жизнь остаться самым молодым начальником отдаленной нефтезаведки, — сказал Баранов.

Вот так. Новый директор за дело берется круто. Промысел ползает вверх. Цель оправдывает средства! Потом собрание. Выступает мастер электроцеха никому не ведомый Баранов, совсем недавно приехавший на Паром, и говорит: «Белоусу никому не доверяют. Белоус все пытается сделать сам. Белоус разогнал способных людей». Это было неожиданно. Белоус молчал. И собрание словно прорвало: директора потребовали сбить. Новый парторг промысла Баранов убедил собрание дать Белоусу еще одну возможность... Традиционная история со счастливым концом!

— Белоус наверняка поехал сейчас на 119-ю, — сказал Баранов. — Сам хочешь убедиться, что дело плохо. Но вот скважина его отпачкила! А вот на скважине, наверное, ни разу не был... — А что это — Восток!

— Поселок новый строишь. Что поселок — город, настоящий город в марше! Говорят, бразильцы целую столицу в джунглях отгрохали, а не живет там никто, кроме клерков.

Дела, значит, настоящего там нет. Здесь оно есть, настоящее дело. И мы будем здесь жить! И будем работать!

Странная судьба выпала Сахалину. Мало того, что долгие века ему отказывали даже в праве называться островом. Крупнейшие мореплаватели, включая Леруэра и Крузенштерна, утверждали, что он узким переешком соединяется с материком. Потом он был назван островом слез. Чехов писал: «Верхняя треть острова по своим климатическим и почвенным условиям совершенно непригодна для поселения». Дорощев был убежден: «Природа создала его в минуту злости». В 1929 году советский журналист Макс Полиновский выпустил книгу «Сахалин после Чехова и Дорощева»: «Вопрос о переходе Дальнего Востока, отчасти и Сибири на сахалинскую нефть пробовать в порядок дня». Буровые ушли от Охи все дальше и дальше, вокруг нефтяной столицы Сахалина выросли новые города...

— Вы слышали что-нибудь о вторичной эксплуатации скважин? — спросил Баранов.

— Искусственное воздействие на пласт, кислотная обработка...

— В общем чертёк — да. Если смотреть чисто экономически — это только лишние тонны нефти. Но мы обживаемся здесь, землю эту обживаем, что-то оставляем на завале, а не только в ней дырки просверливаем... Новые районы промысла необходимы, но нужно все отработывать до конца. Надо уметь выкапывать себя до конца.

Хлопнула дверь, и в комнату вошел «Бомба», влетел Белоус:

— Есть нефтюшка на 119-й Живем!

— А мне не поверил! — Почему не поверил! Просто сам хотел угодить!

Ну, прямо неудержим он был — молодой, красивый, счастливый, яркий, — ну, прямо летал он по комнате!

— Слушай, в прошлом году попал я в Москву — было дело! Прилетели, конечно, целой капеллой. Из аэропорта — сразу в универсам «Москван». То да се с продавщицами — а продавщицы там во! — и уже несут шесть комплектов: костюмы немецкие, силовые рубашки чешские и мокасины итальянские. Переоделись тут же — и на улицу. Минут через пять замечает: оглаживаются на нас. Ну, конечно: мы же будто футбольная команда одеты — как один! Синкилы — а что подделавши! Машину в ресторан. А тут слух прониес: в соседнем зале Лолита Торрес обедает! «Я не знала, что тебе мешала... Мы — туда! Ушла, говорят, только что, коктейли пить ушла на двенадцатый этаж. «Что тобою выбран другой в жизни путь...» Ванули на двенадцатый этаж — и там нет Лолиты. «Наши судыбы две дороги — перекресток позади...»

Его круги по комнате становились все меньше и меньше. Определился и их центр. Телефон.

— Слушай, а телефон работает? Баранов засмеялся. — Ты же законя сюда час назад. За окном вдруг заплел:

От стылых туман, где ночью злеют волки. Они спешили, крыльями шуруша...

— Во данот! — хмыкнул Белоус. — А я и не знал, что это песня.

— И ни одной охотничьей — даустились На них не поднялось из камыша.

— Это же стихи Левки Кукина. Мы с ним на одном корте учились в горном... Черт, как время бежит! Мне уже тридцать лет. Я все хочу успеть...

Н едом с кремневыми топориками и обсидиановыми наконечниками, от которых зависела жизнь, при раскопе древних стоянок находят бесполезные инструменты. Так в самом начале доры и неолита, в жесткой нужде первобытного общества ценным оказалось то, что составляло основу существования, и то, что доставляло радость.

Камень-добыток менялся, уступая металлам, а назначение красивых камешков оставалось неизменным. [Забавная вышла бы сценка о споре какого-нибудь рубина с пустынной бусинкой!] Любопытно, однако, что причесанный рубин в древности стал выставляться магической тайной. Один обладатель свойства предохранять от порчи; другой свисал от замерзания; третий мог привлекать любовь; всем была придана мистическая, но строго утилитарная функция пользы. Что это? Стыдливо попытка оправдать привязанность к дорогим безделушкам? Подсунутое убеждение, что красота не может быть зряшной! Оставим эту забутую историческую психологию — науке, которая сейчас только возникает. А тайна у драгоценных камней действительно была. Ослепительный луч лазера, способный прожечь металл или дотронуться до планет, впервые был исторгнут из рубина! Это, разумеется, не последняя тайна прелестных безделушек. Но не странно ли, волшебные огни, чья разновидностью рубин является, годился для техники ничуть не менее. Никто не обратил бы внимания на рубин, если бы не его красота. Цепочка, связующая утилитарную полезность с красотой камня, завязалась и туго была за веревку материала оказался доступен экспериментаторам в любом количестве.

До чего же мы, однако, стойки в своих привязанностях! Уже и рубин варят, почти как стекло, и волшебные мантии шьют от подвала и чертучу алмазодобыт, на очереди синтетический ювелирный алмаз, князя выпускает радугу пластиков, но это нисколько не уменьшило нашу любовь к этому же рубину или мрамору. Преобразив, даже украсив его, пожелали. «Собачьи мантии тогги, чтобы камни в украшениях были с трещинкой, — сказала мне знакомый граинильщик. — Раньше это был брак, теперь это признак, что камень настоящий... Возросло значение малопригодных прежде разновидностей, камни высоборываются из-под власти денег, и это только улучшает их, не правда ли?»

В самом деле, прекрасны не только ювелирные камни — эти патриции минералов. Конечно, великолепен камен-ночь звездчатый санфир — ступень сияем с дрожащей розничной сета. Но с чем сравнить безусловную чистоту кристаллов кальцита в окружении черной геометрии тетраэдров марматита! Золотистое совершенство природной полированной лубяной перлы! Мда, даже подлинность кристаллов серы! Все того, что нам не требует огранки, ибо уже возникло как шедевр!

Об этих и многих других замечательных минералов молчат старинные, славящие красоту камня рукописи. Пожалуй, не будет ошибкой сказать, что понимание совершенства «простых» образцов минерального царства пришло к нам с развитием геологии, которая вынула эти шедевры из каменных недр и выставила на всеобщее обозрение в витринах минералогических музеев. Истинно, сколько же ежегодно гибнет при разработке месторождений, хотя интерес к ним огромный! Почему бы не наладить широкую продажу минералов по типу зоомагазинной!

Тема зримого простого глаза камня сама по себе бесконечна. В столбике две фидео кто вглядывается в узоры мраморных колонн метро. А ведь фантастич! Нет, не в одной красоте тут дело. Узоры мрамора, шпана, агата, множества маленьких пород столь разнообразны, что иногда трудно не требующий дорисовки пейзаж барокового лесной воды. Или наката морской волны. Или сельской околлицы. Есть люди, которые обратили на это внимание, а видел одну такую коллекцию пейзажных камней. Таков следование, что в камне, в случайных сцеплениях разных окрашенных частичек запечатлен весь зримый мир природы. Мы вправе им не верить, но давайте прижмем. Те полированные плитки, на которых оказались безразличный лес или морской берег, отбрасывая средн. сотен, может быть, тысяч других, на

которых ничего подобного нет. Но сколько срезов вообще там в земных недрах! Их миллиарды миллиардов. Следовательно, если перебрать их все... Поминемте! Я нисколько не удивлюсь, если кто-то — на какой-нибудь плитке окажется марсианский пейзаж, до того похожий на настоящий, что можно лишь изумленно покачать плечами. Более того, я убежден, что и сейчас мы видим пейзажи иных миров, видим их в зеркале камня, но мы не можем узнать их потому, что оригинал пока недоступен. Право ваше отнестись к этому, как к фантазии, но посмотрим, посмотрим...

Современность, и в этом уже целиком заслуга технического прогресса, дала нам и такое видение камня, которое никому раньше доступно не было. Это — видение камня под микроскопом, в упорядоченном поляризованном свете.

Микроскоп, на столбике которого лежит зашлифованный лезвием тончайший срез камня — шифр. Если вы посмотрите шифр невнуоружными глазами, не прелесть, то увидите нечто вроде прозрачной аблочной кожуры. В этом «платишке» нет абсолютно ничего интересного. Но какой волшебный мир открывается под микроскопом!

Мир, блестящий всеми красками. Каждый кристаллик в шифре горит по-своему, как лучшая самость. Погляди, и тут есть незранные: кварц и полевой шпат, например, желтого-серые, одиотинные. Но как преобразуется под микроскопом роговая обманка, которая в микро-мире довольно невзрачитель-ельно темно-зеленый минерал! От края к центру его кристаллы расщепляются под микроскопом цветом радуги. Минерал-паляин, да и только!

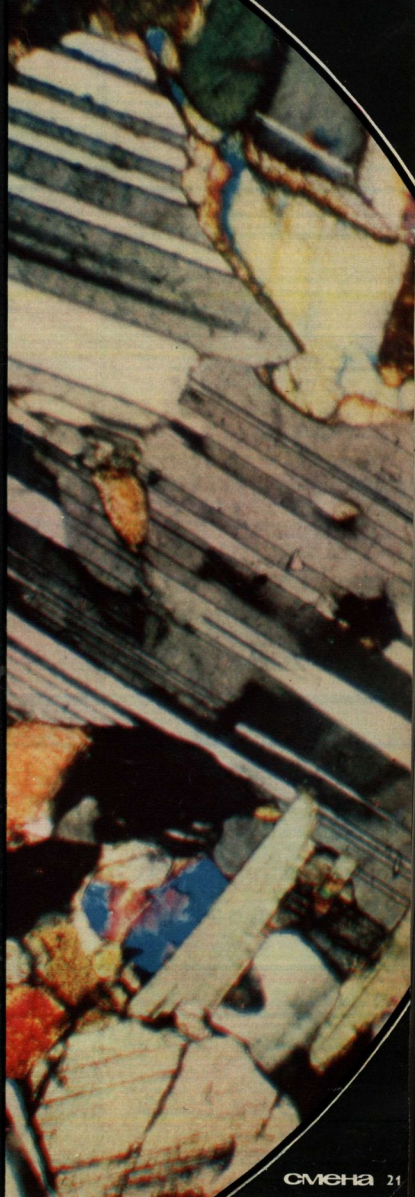
НАУКА: МИНЕРАЛОГИЯ

ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН,
ВАСИЛИЙ МИШИН
(фото)

Тут, однако, возникает одно серьезное затруднение. То, что я берусь описать, вы сами видите на снимках. Но ни один снимок не передаст истинную картину шифра под микроскопом. В шифре запечатлен момент.

Меж тем столбик микроскопа при изучении шифра можно — должно поворачивать. А каж-дый поворот неизменно меняет цветовую гамму! Цвета перелетывают, как в калейдоскопе, вспыхивают, гаснут, мерцают, переходят друг в друга, и нет этого конца. Вращенное по кругу поляризованное. Впрочем, нет: все сравнения тут неустойчивы, они лишь объясняют. Вид камня под микроскопом ни от чего не пожим. Не пожим уже потому, что краски — они... Ну, это особые краски. Зеленый тон имеет всего полтора на зеленых листьях и травах; в ней есть что-то минеральное, эфирное, хотя, с другой стороны, это не зипень изумруды или маляхита. То же самое синий цвет. Ближе всего к при-родному, пожалуй, желтый. Все это, конечно, весьма субъективно, возможно, другие видят краски камня под микроскопом иначе, но тут я ничего не могу поделать, я вижу их так [цветная печать, к сожалению, не судья: она нехватит красок]. Мы привыкли думать, что мир камней мертв. Шифр на первый взгляд это подтверждает. Пестрая и красивая, но такая холодная мозаика! Вот шифр обычного гранита. Под микроскопом видим серые плати изарцы, светлые прорывающиеся полевые кварцы, пластичные слюды, чполин шифробла. Все застыло, неподвижно — то ли дело простейшее, когда мы их наблюдаем в калелье воды!

НЕУЗНАВАЕМО ВЫГЛЯДЯТ ПОД МИКРОСКОПОМ РАЗЛИЧНЫЕ ПОРОДЫ.

Но это впечатление ложно. Серия шифров — это, если хотите, драматической формы о борьбе минералов за существование. Просматриваются один сред, другой, третий, сорять. И вдруг от четкого озвучения: минералам в породе тесно! Кристаллы кварца — даже кристаллами их трудно назвать, настолько они сдавлены, прижаты друг к другу. Край их неровны, зазубрены, острия минерала, точно жидкие воды, текут в поисках свободного места. Почти нет и других правых кристаллов — все пострадало, поступились извеществом в борьбе за пространство. [Впрочем, было исключение: кристалл граната в шифре — ромб, чьи грани хоть линейной проверкой.]

А складывалась эта картина так. Был огненный расплав или насыщенный распор — в данном случае это известково-калевый сульфат. Но взмывает сыпучим дирижером — температура [или другой внешней фактор]. В толпе замкнул; каменные равноудаленные друг к другу атомы продвигаются сквозь толпу, сталкиваются, образуют группы, и вот в тазе возникает нерушимый строй первых кристаллов. Тщательно об эти союженные стены бьются атомы-чужаки; им нет места в возникшем ряду.

Тот уже новые атомы находит своих химических сродственников и строит свои батальоны. Число их растет, толпа редет, строй симпатично флюид, уже не хватая места, прорывы начинают теснить друг друга. Безразлична, кристаллы, вращаясь, поплывут сквозь решетку — чья прочней. Но уже сминла дирижерская залочка, толпы нет, есть кристаллические агрегаты, замкнута в лиг единობности. Борьба окончена, породе затвердела, перед вами камень — твердый, неподвижный, безжизненный минерал.

Неподвижный Безжизненный! Как бы не так! Это что, например, мерзнет шелковистым блеском чешуею в кристалле пологого шпата! Спрашивают — замедлит с ответом: сердит, вторичный минерал.

Скупохватый и очень недоуверливый минерал. Его микроскопический проломик, гнейдочка, астероид, совсем несовместно почти любого породе. Типичный минерал-паразит: строит свой каркас за счет других минералов.

Сердитик к тому же тихоня. При застывании расплава в кристалле пологого шпата — решетку и следа его нет. Он, как рикачана, проинамат в уже сожмнутые ряды, разлагает их, вербует элементы, шаг за шагом отовоивая себе жизненное пространство. И вот результат: изумрудный кристаллополюго шпата, твердый толпа разломлены изнутри, подточены сердитиком и готовы распылаться, стать легкой добычей сил выветривания, которые обратят камень в песок и глинку.

Камень живет своей не всегда нам понятной жизнью, только длится она миллионы, иногда миллиарды лет. Никакой глаз не заметит пережитой, давнейшей этой жизни; такое видение камня дают нам знания.

Там, где бесценен глаз, видит мысль. Тут есть, однако, нечто, о чем стоит задуматься. Хорошо, техника микроскопии позволила нам заглянуть в неведомый прежде, блестящий красным мир камня. Объемная и цветная, уже электронная микроскопия показала еще более глубинный, странный и замечательный мир того же камня, где кристаллы порой выглядят как фантастическое зодчество каково-нибудь XXI века. Значит ли это, что дальнейшее приближение к красоте камня, к назве эстетическое и духовное обогащение всецело зависит от прогресса науки и техники?

Пыльцу многого есть художественное открытие мира. Давно ли в спорках и отмицаниях выяснилось, что снег на солнце цветной? Что падающие снежинки могут быть черными! Давно ли Левитан и другие художники обогатили наше восприятие гроднерского пейзажа. А в последние годы Сарьяна и Рериха — разное не открыли они нам по-новому горы! Как обидели бы наш духовный мир без всего этого! Какое, однако, новое художественное открытие ждуть вперед! Любопытны тем же камнями, не слыны ли нам где-то, не проходим ли мимо мощных источников жизненной красоты!

Не знаю, но думаю, что так оно и есть. С какой силой в нас горит потребность в знании! Мысль и бездонны его глубинные свойства; лазер не последнее, что в них скрыто. И столь же бесконечна его красота. Мы обнаруживаем уже новые и новые ее проявления, наша здесь, наша в руке у мастера. Наступает время, когда техника синтезирует самоцветы, какюк на Земле не было, создаст кристаллы, в которых проявятся все пока неизвестные нам силы природы. Но так же, как сейчас, в камнях не слыны ли нам горизонты прекрасного и новые горизонты познания.

Как и во всем остальном, впрочем.

ПРОЗА

ПАМЯТЬ ТАЛАНТА

С удивительной подлинностью, весомо и ненавязчиво, умно и изящно рисует своих героев Фазиль Искандер («Ветры детства», повести и рассказы: «Советский писатель», 1971 г.). Вот Комаричев, любимый его герой, кумир далекого детства, лошадник и враль, храбрый и лукавый... Давно замечено, что нет ничего благороднее для писателя, чем память детства. Искандер вспоминает себя мальчишкой в ахажской деревне, в пору войны и лишений. Мальчик, увлекаясь своих одесельчан, своего Молочеруго, прощающей заране и людские слабости и незаслуженные обиды. Если эти слабости прищипываешь и открытым сердцем...

В Молочеруку наиболее резко и характерно обнародован себе художественные приемы писателя, его стиль, его взгляд на мир. Вспомним начало рассказа. Мальчик проваливается в свалевербурту своего друга мизин... Величудно любящий своих одесельчан, своего Молочеруго, прощающей заране и людские слабости и незаслуженные обиды. Если эти слабости прищипываешь и открытым сердцем...

Вспомним начало рассказа. Мальчик проваливается в свалевербурту своего друга мизин... Величудно любящий своих одесельчан, своего Молочеруго, прощающей заране и людские слабости и незаслуженные обиды. Если эти слабости прищипываешь и открытым сердцем...

Вспомним начало рассказа. Мальчик проваливается в свалевербурту своего друга мизин... Величудно любящий своих одесельчан, своего Молочеруго, прощающей заране и людские слабости и незаслуженные обиды. Если эти слабости прищипываешь и открытым сердцем...

ПОЭЗИЯ

В ПОИСКАХ САМОБИТНОСТИ

Книга названа, казалось бы, неслыханно заманчиво и прельщает своей новизной. Но по мере ознакомления с книгой Риталия Заславского начинаешь понимать, что название не соответствует — и весьма точно — содержанию и характеру ее содержания. Прикосновение поэзии и изисин, прикосновение слова к сердцу, все это является в целом — прикосновением. И вышедшему дню, и истории России, и бытию.

Ах, земля! Ты летящая... И гудение слова слышится мне в дальние. Ах, земля! не твою ли вращение кружит голову весело мне!

Итак, прикосновение и бытию, а не отстраненность от него. Исключая не является и вслушивается в шорок трава, ропот волн, крик ребенка, а не отворачивая от всего этого. Исключение поучительная и понятие «вне нынешней и вне минувшей». Зеленые холмы Киева и спор молодых людей на этих зеленых холмах. Зеленому равнину Царского Села и дружелюбные сельчанки. Все это идет в книге не как аналогия и параллель, а как явление бы страньям и неисторичным, а как разные зреня одной цели. Стихи о молодости — это и отгаде демагогов, о Лермонтовом и Дю-Нюхоте вспоминают в книге не как риниминценции, не как демонстрация учености молодого поэта выступающего с первой ингой («Радниский писатель».

ниту на лошади через свой гроб. «А гроба в этом нет, потому что лошадь миса не ест...» у нее чистое дыхание, заветная мечта, и она села. Но Муस्ताфа не сможет сделать обещанного — хитрец все-таки лучше знал, куда лошадей Тан Качерури перебрался смерть.

Оригинальный, деятельный талант, способный влиять на умонстроения современности и аву общества, — это прежде всего талант художника. Памяти — ради нравственного урона, раз и навсегда извлеченного для будущего. Инженутриждачий, бьющий черт краб, изудый оптимизм повести Фазиль Искандера «Совезде Колотур», вликоленной в книгу, воспитывает в читателя чувства собственного достоинства, непримиримости и тупому, косному, трусовому, тупому ополниту лучшие наши надежды. Горосодатели, мюзотуров пригноблены давным-давно и позорному столбу самой изисиню. Но писателю важно с пристрастием и яркостью очевидна и широтой ума активное созидание действительности, запечатывая для потомства облик неведомой, полярмоща основы народного опыта истинной науки и в конечном итоге здравого смысла. Вот иогда талант художника — надежный залог успеха в слове торжествующей культуры.

Духовное здоровье народа, непреодолимая ценность крестьянского труда, неразрывная связь традиций и неоторья — подобно русскому поэтическому творчеству, Фазиль Искандер, редин и счастливый его талант.

Александр БОГУЧАНОВ

РИТАЛИЯ ЗАСЛАВСКИЙ

ПРИКОСНОВЕННОСТЬ

менник, Киев), а как новые и новые истории и истории, что в светлом и того, что свершилось. Риталию Заславскому поэзии и близок эзизин его патристический, очем близка историю — подобно русскому поэтическому творчеству, Фазиль Искандер, редин и счастливый его талант.

Чудачье — обилие суровый. И Каверин с курдюком до плеч, И Буинцына моря речья.

Мычье не в дайновину хороше знание родной истории и истории русской поэзии. Там же, в книге, трудно видеть на страницах первой книги поэта новые образы, влетя на сорочиницы народной памяти. Илья Сельвинский, в чьем сваледрю обучался в свое время Риталию Заславский, писав о своем Учении: «История, как поэтический стихий, очем близка историю... При всей широте своего тематизма автор нигде не упускает в историю, он умеет остроую публицистическую интонацию, философскую закрепить афористическим образом. При этом получается это у него непринужденно, естественно».

Естественно звучание голоса молодого поэта должно бы поощряться к зреть особю. Он не старается говорить баснословно Мамаюсовского, он не поспает на регистры Асаева и Светлова, Багрянского и Лувинского, хотя могому и их язык звучит в нем. Искандер не был в поисках самобитности. Книга «Прикосновению» показывает

Жизнь

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

парикмахерской, вел картошку и учел клиентов.

Со временем братья наладили поточное производство, организовали склад по консервации кукол, и дело, успех которого поначалу вызвала больше сомнения, стало с каждым годом приносить все больше и больше прибыли.

Фреду «Пуса и Ко» можно было бы считать вполне преуспевающей, если бы не быстрое течение времени, подтачивающее ее основу. Дело в том, что, немалом отдавшись чужим детям, братья как-то позабыли о собственных, не обвальной жежени и теперь остались без наследников. Впрочем, деньги всегда находят людей, которые даже без родственных связей готовы их заполучить. Но вот талант и вкус к работе... Иными словами, со смергью Иржи и Сержа Пуса — не дай, конечно, бог, пусть проживут они еще сто лет, а потом еще двести! — кончалось и их премале дело.

Вот так же вымирает некогда могущественное племя, и нем остаются одни старики, истратившие всю молодость для достижения могущества.

У старых братьев был только один родственник, и тот очень дальний, триродный племянник по материнской линии. Его звали Туром Сайрусом, и он вдалеке в отчужденной «Круте, мамаша!» Кстати сказать, Сайрус уже несколько лет приобрел у старых братьев кукула, не востребованные оригиналами, и поддерживал таким образом деловую контакт со своими дальними родственниками. Получатывая, что их сегоднешнее творчество они уже вряд им сами реализуют, Иржи и Серж Пуса пре-

должал Туру Сайрус, человеку еще молодому и энергичному, купить у них и покушать впрямь, пока они будут работать, кукула. Разумеется, за четверть цены. Тур немедленно согласился, и два с половиной года назад фирма «Пуса и Ко» пережила грустную, но неизбежную реконструкцию. Несомненно привычный и тем самым вполне современный, Тур Сайрус похвалил свой собственный склад кукол и гордился им, сравнивая его с винным погребом. «Мои куколки», — говорила он друзьям, — как хороший коняк, из года в год становится дороже».

Истинный житель своего города, Динка Гард отлично знала историю фирмы, и говоря уже о том, что и у него дома над кроватью висела маленькая кукула с черными, как смоль, волосами — бывлой красотой нынешнего комиссара полиции.

На кукула как раз и смотрел Гард, думая о быстротечности нашей жизни, когда раздался звонок в передель.

Честер привез с собой бутылку джина, ветчину и банку слянок. Они вышли по рюмочке, наспех перекусили, и Гард сказал:

— Пора. Будешь стоять через улашу напротив, у витрины, где крокодила жует шпринжос. Только не забудь заходить в салон и будь предельно внимательным. А я...

— Ты уверен, — перебил Фред, — что они тебя не знают?

— С того момента, когда я последний раз был у них, прошло лет тридцать пять... — Гард неволь-

но бросил взгляд на кукау, и Фред поймал его, мысленно посочувствовал другу. — В том-то и дело, старина, что их знает весь город, а они — никого.

— Но явится в салон без ребенка...

— Пустяки, — сказала Гард, — Я представляюсь налоговым инспектором, документы у меня в порядке.

— Все равно липа, — сказала Честер. — Ведь нам важно увидеть их работу в чистом виде, как это было с родителями ста сорока девяти детей, а не с налоговыми инспекторами.

Гард засмеялся:

— Ну, где и возьму ребенка? Для того, чтобы сегодня мати с ним в парикмахерскую, я должен был подумать об этом минимум четыре года назад!

— Возьми Майкала, — предложил Честер.

— А что? Это мысль. Только избавь меня от объяснений с Амидой.

— Она и знать ничего не будет, — пообещал Честер. — Я просто поймаю во дворе Майкала, проведу с ним небольшую разъяснительную работу, и он потом такое наворочит матери, что даже я поверю.

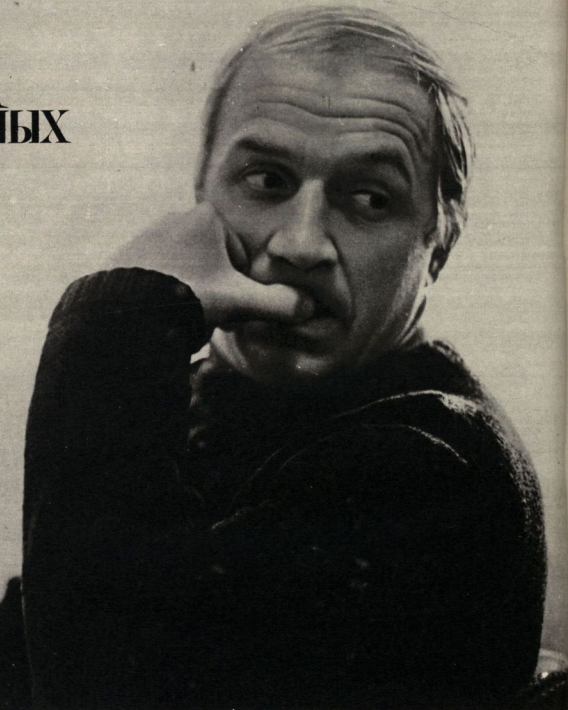
— Знаешь, Фред, — сказала комиссар, слезая два шага назад и оглядевшись Честера с ног до головы, словно привычавшись, — а ты и впрямь молодец. Ей-богу, тебе можно брать к нам в стажеры. Бездна логики, проницательность, собачий нюх...

— И тушность ума, столь свойственная представителям твоей профессии, — в тон Гарду добавила Честер.

ПОЛОСА НЕПРЕМЕННЫХ НАЧАЛ

Александр НИЛИН,
Мирослав МУРАЗОВ (фото)

Театр любит людей, жертвующих собой для успеха общего дела, но достаточно часто бесцеремовен по отношению к ним.

Однако попробуем обойтись итнонацей, не обжигаящей губы горечью. Никого не тешит на сцену васьяльо. Напротив, доброжельатально предостерегают. Редко обнаджеивают. Причем и обнаджеива, предостерегают вьовь...

Театр начинается с мужества — перед неизбежностью утрат. И для тех, кто рано опухнул его в себе, главное не потерять.

Одноклассники по школе-студии МХАТ вспоминают, что Лев Дуров, ростом самый маленький на курсе, не мог отказать себе в интермедии — разглагольствовал ее на неудобной для мизансцен площадке возле вешалки: вставал на стул и, когда входил рослый товарищ (по фактуре безусловный герой), подавал ему со стула пальто («Герой! Ну, одевайся!»).

Он как бы расставался, смеясь и смежа другик, с теми ролями и амплуа, пути в которые были ему заказаны.

Мы привааем себе самопрониво не для обезбавания раи, не для защиты сердца от огорчений, а, скорее, оберегаясь от размагничивающего сочувствия нашим несовершенствам, которые встали вадесья преодолеть.

Самопрониво Дурова не добродушна. Она наступательна, в ней заостренность оружия. И оттого

первая жизнь кажется порой незамаскированной воле.

Он может победить от источного слова. Мелочливо продюргнуть даже в мягком климате обещания, обидеться на невнимание к дорожному для него и не суметь, не захотеть это скрыть.

Лев Дуров — не первый, кому поменяли, кто ограничили звание дашняе. Не первый из тех, кто выстрадал случившееся, не смирившись с опротивленным решением природы. Он не подался, хотя и не победил, не опроверг до конца сомнения.

Но в случае с Дуровым продолжющийся бой поинтереснее, поважнее очевидной победы, потому что бой — реальность, правда присутствия на сцене, наконец, внутренняя необходимость и признание этой необходимости другим. А победа, заслуживаемая только ради торжества справедливости, — самообман, не отслающийся от иллюзий.

Победа Дурова в ином — не в преодолении организательных ограничений природы.

Естественно его приглашение в Центральный детский театр. Естественно уверенность его дебюта в спектакле, звучащая для Дурова и всех, кто в нем участвовал и начинал, так, как называли — «В добрый час». Естественно и то, что роль Афганистана, порученная в спектакле Дурову, не главная. Не удаляет тяга его к режиссуре. Не удаляет и верность режиссеру Анатолию Эрфосу, с которым вместе работал: он в Детском, потом — в театре имени Ленинского комсомола и сейчас — на Бронной.

Рисунок Анатолия БУДИЛОВА

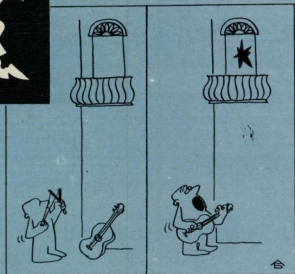

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

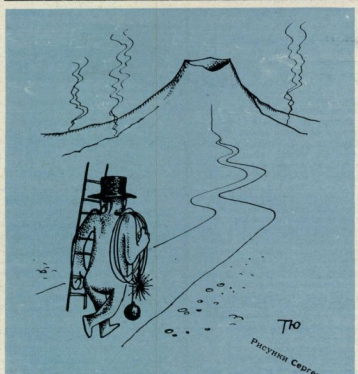
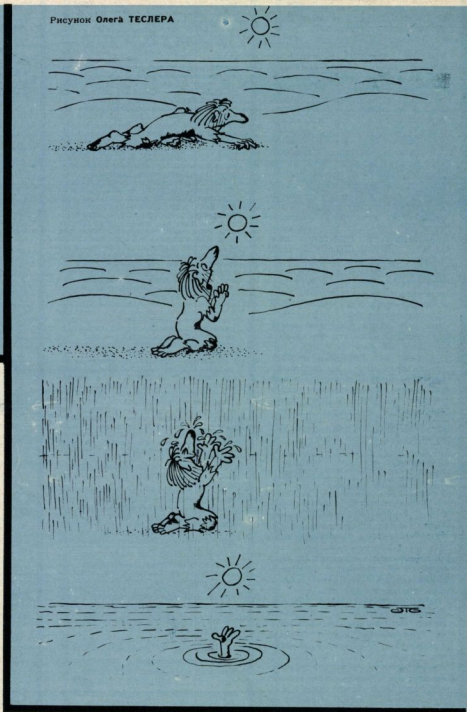
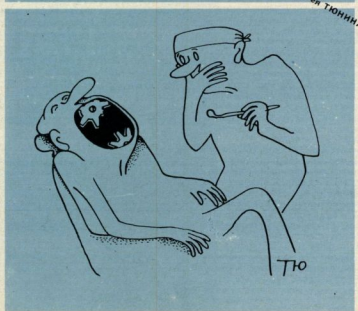

Рисунок Сергея ТОННИНА

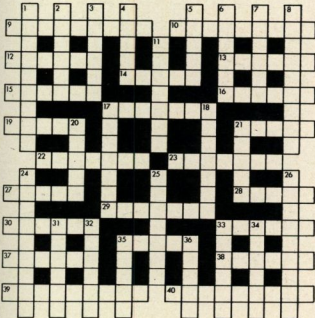

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 3/ХП 1971 г. А 01018. Подписано и печати 27/ХП 1971 г. Формат бум. 70 × 108%.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 17. Заказ № 2234.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил Г. ЦЕКОЛИН, г. Курган.

По горизонтали:

9. Телескоп. 10. Город-герой. 12. Морская рыболовецкая судно. 13. Адагратический рассказ из жизни индейцев. 14. Один из Больших Антильских островов. 15. Персонал оперы России «Семьдесят семь». 16. Имя, употребляемая для изготовления красителей. 17. Специалист в сельском хозяйстве. 19. Разнообразие кушанок. 21. Дворня в парке. 22. Стихотворение М. Светлова. 23. Народный художник СССР, историк. 27. Река в Советском Союзе. 28. Всесоюзный пионерлагерь. 29. Часть круга. 30. Твердая горная порода. 33. Государство в Северной Америке. 35. Высокий мужской голос. 37. Палео между Аравийским и Каспийским морями. 38. Лососевая рыба. 39. Плод хлещачника. 40. Спортсмен, бегун на дальние дистанции.

По вертикали:

1. Радиотехническое устройство для приема изображений. 2. Светоулавливающая линза для фотографирования. 3. Музыкальный ящик в быстром темпе. 4. Каменистый выступ дна реки. 5. Итальянский композитор. 6. Пространная рельефа. 7. Драматическое произведение Н. В. Гоголя. 8. Устройство системы отопления. 11. Река в Южной Америке. 17. Наиболее яркая звезда в созвездии Скорпиона. 18. Зеленый минерал. 20. Коллегиум, работавший в определенной промежуток. 21. Курорт на побережье Черного моря. 24. Роман Ф. М. Достоевского. 25. Союзная советская республика. 26. Автор Периодической системы элементов. 31. Физик, сформулировавший закон тяготения. 32. Электронная лампа. 33. Старинная женская одежда. 34. Русский механик-изобретатель XVIII века. 35. Знак препинания. 36. Зали.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

7. Оперетта. 8. Хлопушка. 10. Термометр. 11. Лесок. 13. Свист. 14. Апориз. 15. Сиокаса. 17. Желе. 18. Периль. 19. Желе. 20. Ринг. 22. Капель. 24. Феникс. 25. Неттар. 26. Брест. 28. Явас. 29. Ваза. 30. Эксиблир. 32. Гарпагон. 33. Метроном.

По вертикали:

1. Спиннинг. 2. Цент. 3. Шторка. 4. Клише. 5. «Спор». 6. Скоттинг. 9. Итальянский композитор. 11. Маслинки. 13. Свещник. 16. Адепс. 17. Эрикс. 21. Верисаж. 23. Гематост. 26. Бостон. 27. Торшер. 30. Этан. 31. Сорт.

САРГАВНО. mp

9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40

По горизонтали: 9. Телескоп. 10. Город-герой. 12. Морская рыболовецкая судно. 13. Адагратический рассказ из жизни индейцев. 14. Один из Больших Антильских островов. 15. Персонал оперы России «Семьдесят семь». 16. Имя, употребляемая для изготовления красителей. 17. Специалист в сельском хозяйстве. 19. Разнообразие кушанок. 21. Дворня в парке. 22. Стихотворение М. Светлова. 23. Народный художник СССР, историк. 27. Река в Советском Союзе. 28. Всесоюзный пионерлагерь. 29. Часть круга. 30. Твердая горная порода. 33. Государство в Северной Америке. 35. Высокий мужской голос. 37. Палео между Аравийским и Каспийским морями. 38. Лососевая рыба. 39. Плод хлещачника. 40. Спортсмен, бегун на дальние дистанции.

По вертикали: 1. Радиотехническое устройство для приема изображений. 2. Светоулавливающая линза для фотографирования. 3. Музыкальный ящик в быстром темпе. 4. Каменистый выступ дна реки. 5. Итальянский композитор. 6. Пространная рельефа. 7. Драматическое произведение Н. В. Гоголя. 8. Устройство системы отопления. 11. Река в Южной Америке. 17. Наиболее яркая звезда в созвездии Скорпиона. 18. Зеленый минерал. 20. Коллегиум, работавший в определенной промежуток. 21. Курорт на побережье Черного моря. 24. Роман Ф. М. Достоевского. 25. Союзная советская республика. 26. Автор Периодической системы элементов. 31. Физик, сформулировавший закон тяготения. 32. Электронная лампа. 33. Старинная женская одежда. 34. Русский механик-изобретатель XVIII века. 35. Знак препинания. 36. Зали.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

7. Оперетта. 8. Хлопушка. 10. Термометр. 11. Лесок. 13. Свист. 14. Апориз. 15. Сиокаса. 17. Желе. 18. Периль. 19. Желе. 20. Ринг. 22. Капель. 24. Феникс. 25. Неттар. 26. Брест. 28. Явас. 29. Ваза. 30. Эксиблир. 32. Гарпагон. 33. Метроном.

По вертикали:

1. Спиннинг. 2. Цент. 3. Шторка. 4. Клише. 5. «Спор». 6. Скоттинг. 9. Итальянский композитор. 11. Маслинки. 13. Свещник. 16. Адепс. 17. Эрикс. 21. Верисаж. 23. Гематост. 26. Бостон. 27. Торшер. 30. Этан. 31. Сорт.

ЗА ТОГО ПАРНЯ...

(ИЗ КИНОФИЛМА «МИНУТА МОЛЧАНИЯ»)

Слова Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО
Музыка Марка ФРАДКИНА

Я сегодня до зари встану,
По широкому пройду повою:
Что-то с вальметой мой стало,
Все, что было не со мной, помню.

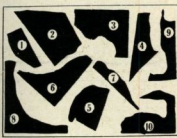
Быют дождики по щемам впалям;
Для Веселовой радудать лет мало,
Даже не был я знаком с парнем,
Обещавшим: «Я вернусь, мамля».

Приняв:
А степная травка пахнет горечью,
Молодые ветра зелены,
Пропсыаемся мы, и грохочет над полночь
То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны.

Обещает быть весна долгой,
Ждет отборного зерна пашня.
И мнжу на земле доброй
За себя и за того парня.

Я от тяжести такой горбился,
Но никак звать нельзя, если
Все зовут меня его голосом,
Все звучит во мне его пения.

Приняв:
А степная травка пахнет горечью,
Молодые ветра зелены,
Пропсыаемся мы, и грохочет над полночь
То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЬ» № 1

2.

Неокрашенным окажется 1 кубин; у 8 кубин будет окрашена только одна сторона, у 12 кубин окрасятся окрашенными две стороны, а у 8 кубин будет окрашены три стороны.

3.

ХУДОЖНИК И ХАРАКТЕР

Выставка «Смены»

Я познакомился с Виктором Чудинным в Саратове, в его мастерской — выгоревшей фанерой кубатуре на чердаке высокого дома. Из окошка, с вышینی, открывался теплый городской пейзаж: крыши старого города — зелеными, смежывающимися, и рыжыми, коричневыми. То там, то здесь равнина старых крыш прерывалась скалами блочных домов.

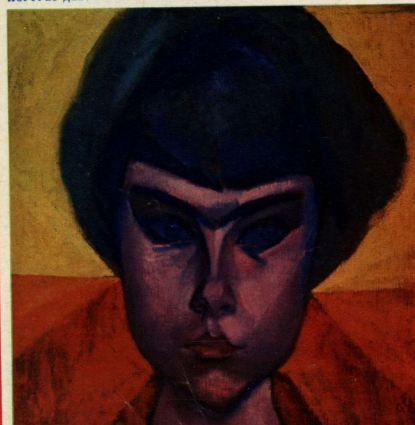
Я не спросил Виктора, помогает ли ему этот ландшафт, увиденный с высоты, тем более что молодой художник — портретист, а если и пишет пейзажи, то не городские. Но возвращаясь мысленно к десяткам и десят-

кам полотен, увиденных мной в мастерской на чердаке, и в тем вешам, которые были выставлены в «Смене», я вновь и вновь думаю, что лицо, образ человека, выраженный в манере живописного портрета, и лицо города, которое каждый день видит молодой художник, близки. И если трудно поставить в ряд портретное изображение личности, одушевленной, индивидуальной, и портрет в объектно-неодушевленного городского пейзажа по чисто внешним признакам, то они все-таки родственны в существе — в одушевленности; они близки между собой глубиной, внутренней жизнью, они сродны содержанием. И хотя

КРАСНЫЙ ДОМ.

ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ.

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

ЧЕЛОВЕК С ТРУБКОВОЙ.

ПОРТРЕТ.

Виктор Чудин не пишет саратовские крыши — а ведь крыши сами по себе служили основой творчества многих, и примеру, французских, живописцев, — они, я думаю, помогут молодому художнику. Помогают писать портреты, которые я обозначаю бы прежде всего именно этим определением — теплые.

Теплые портреты Виктора Чудина разнохарактерны; некоторые посетители «сменной» выставки его работ отмечали даже некую разнородность работ, и в этом есть доля истины.

Изысканное искоме зерно личности, Виктор Чудин пытается быть инновационным в живописи, изменяя манеру, стараясь соединить живописный ход с характером, который он пишет. Характер — именно этот — ищет он в натуре; будет точнее — ищет в натуре Виктора Чудина и видел буквально десятки портретов одних и тех же людей, и всякий раз художник видел в своих натурщиках новое свойство, новую черту характера. В этих поисках образа изменение живопис-

ных приемов лишь подчеркивало новую сторону характера; манера слугила художнику в достижении его цели.

Виктор Чудин — коренной саратовец. Родился в деревне, с малых лет тянуло его к рисованию, в школе эти способности развились, позже он закончил Саратовскую художественную училище и теперь не представляет себя вне искусства, вне живописи.

Чудин очень трудолюбив. Пожалуй, ни у кого из молодых саратовских живописцев не накоплен такой — даже количественный — багаж. Известен, художник неиссякаем. И при этой неиссякаемости — постоянное недовольство собой, непрестанный поиск.

Портретист Виктор Чудин похож на старателя, или, впрочем, похож и на любой настоящего художника. Его работа — это черный труд, поиск, бесконечные разочарования и надежды, мука поддержки. Талант никогда не вырастет в одиночку.

Альберт ЛИХАНОВ